

Джордж Фрэнсис Доу

более 10 миллионов
рабов-африканцев
были насильственно
перемещены
через Атлантику

Британская империя
начиналась
с пиратства.

*Наал Фергюсон,
«Империя»*

ИСТОРИЯ РАБОТОРГОВЛИ

странствия невольничьих кораблей в Атлантике

777
триллионов долларов —

число человеческих жизней, потерянных Африкой в период ведения работорговли,
а также стоимость золота, алмазов и других полезных ископаемых,
отнятых у континента за время колонизации.

*Африканская Комиссия правды
по вопросам мировых репараций
и репортаций
г. Аккра, Гана,
1999 г.*

Джордж Фрэнсис Доу

**История работорговли.
Странствия невольничьих
кораблей в Атлантике**

«Центрполиграф»

1927

Доу Д.

История работорговли. Странствия невольничьих кораблей в
Антарктике / Д. Доу — «Центрполиграф», 1927

Джордж Фрэнсис Доу, историк и собиратель древностей, автор многих книг о прошлом Америки, уверен, что в морской летописи не было более черных страниц, чем те, которые рассказывают о странствиях невольничьих кораблей. Все морские суда с трюмами, набитыми чернокожими рабами, захваченными во время племенных войн или похищенными в мирное время, направлялись от побережья Гвинейского залива в Вест-Индию, в американские колонии, ставшие Соединенными Штатами, где несчастных продавали или обменивали на самые разные товары. В книге собраны воспоминания судовых врачей, капитанов и пассажиров, а также письменные отчеты для парламентских комиссий по расследованию работорговли, дано описание ее коммерческой структуры.

© Доу Д., 1927

© Центрполиграф, 1927

Содержание

Читателю	5
Вступление	6
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джордж Фрэнсис Доу

История работорговли. Странствия невольничьих кораблей в Атлантике

Читателю

Читай эту книгу и вообрази
Африканский континент и море в тропиках;
Широкое взморье, где шумят большие волны,
Где голоса морские птицы и парят стервятники;
Высокие пальмы, что гнутся и вздыхают,
Отбрасывают тени на лежища рабов;
Леса в испарениях и тихие лагуны,
Черных людей, изнемогающих от зноя;
Брутальных капитанов и негритянских вождей,
Сумеречное треньканье ножных и ручных браслетов;
Мутные реки, где укрываются черные суда
Среди манговых деревьев – на якорной стоянке;
Бриг и шхуну, парусное судно,
Отходящее от берега с выбранным якорем,
Направляясь на полных парусах на Запад,
Часто бросая за борт грузы
На корм морским хищникам,
Которые курсируют на путях перевозки невольников;
Застывшие в море праздные корабли
Вдоль широтных линий;
Страны Запада, где «король – хлопок»,
А рыночный ажиотаж вызывается доставкой рабов.

Эрнест Г. Пентекост

Вступление

«Вслед за пиратами расскажи мне о работорговцах», – попросил парень. Капеллан, который заведовал морской часовней в отдаленном восточном порту, обнаружил, что молитв, проповедей и псалмов недостаточно, чтобы удерживать внимание морской паствы. Тогда он сделал больший упор на истории с моральным подтекстом. Читал их, когда день склонялся к сумеркам, времени, в которое черти из преисподней, говорят, наиболее активны. Вместо достижения желанного эффекта он с сожалением отметил, что его конгрегация уменьшилась до ничтожного количества слушателей. Остальные, как он не без основания опасался, поспешили в те самые притоны, от которых ему хотелось их отвадить. Бедный падре понял наконец, что теряет почву в борьбе со злом. Он последовал совету стародавшего мореплавателя, который, услышав, как пастор рассказывает подобного рода историю своим братьям-морякам, сказал: «Падре, почитайте им рассказы о пиратах, работорговцах и разбойниках, и вы увидите, как ваша часовня наполнится народом».

Несмотря на то что пиратов, работорговцев и разбойников мы считали в детстве «дерзкими, злобными, нехорошими людьми», время милостиво придало этим бессовестным парням романтический ореол, который они совсем не заслуживают. Тем не менее нам нравится читать об их авантюрах.

Нет свидетельств тому, что пираты и разбойники когда-либо считались достойными людьми. Тогда как работорговля вплоть до начала XIX века рассматривалась как вполне легальный бизнес. Она воспринималась как любой другой вид торговли. Вполне вероятно, что человек был по натуре работорговцем. В те далекие времена, когда ему приходилось впрягаться в транспортное средство, он, когда совершал переход, заставлял тащить его за себя какое-нибудь несчастное животное.

Через десять лет после открытия островов Вест-Индии испанцы стали посылать рабов-негров выполнять в своих новых владениях тяжелые работы, для которых коренные жители оказывались непригодными. Хотя работорговлей занимались все морские державы Европы, Англия, согласно некоторым источникам, за два с половиной столетия вывезла с африканского побережья вдвое больше негров, чем все другие страны, вместе взятые.

Жизнь стоила дешево в перенаселенной Африке, где процесс воспроизводства людей отличался быстротой и непрерывностью. Природа осуществляла свое «право сильного» без помех. Неизменный закон «ешь или съедят тебя» действовал там повсюду.

В отчете о миссии в Гвинею капитана Джона Лока от 1555 года негры характеризуются как «люди на стадии животного существования, не признающие Бога, закон, религию или общее благо, лучи солнца их так опаляют, что во многих местах проклинаят его восход».

В 1568 году капитан Джон Хокинс помог трем королям-неграм захватить негритянский город. Хроникер Джон Хартоп повествует: «Мы увели оттуда для отправки в Вест-Индию пять сотен негров. Три вождя пригнали морем семь тысяч негров по мелководью к тому месту побережья, где их всех засосала тина, поскольку они не могли воспользоваться для своего спасения каное».

Книга капитана Уильяма Снелгрейва, опубликованная в 1734 году под названием «Новые данные о некоторых территориях Гвинеи и работорговле», содержит любопытную информацию о жизни и смерти негров. Капитан пишет: «В свои молодые годы я вел торговлю во многих пунктах этого торгового пути, особенно – в Старом Калабаре, где в 1704 году наблюдал печальный пример варварства. Заболевший местный царек по имени Джабру приказал по совету своих колдунов принести ребенка десяти лет в жертву его богу ради выздоровления. Я видел, как убитого ребенка подвесили на суку дерева, привязав рядом живого петуха в дополнение к ритуалу».

В 1727 году капитан Снелгрейв вместе с другими белыми спутниками посетил лагерь короля Дагомеи через несколько недель после того, как этот вождь завоевал территорию племен Вида. Вскоре после их прибытия к ним подошел гонец, приглашая пройти к вождю. «Мы пошли, – продолжает капитан, – и увидели по пути два больших помоста, заваленные мертвыми мужскими головами ужасного вида. От них исходил невыносимый смрад. Переводчик объяснил нам, что это головы четырех тысяч соплеменников Вида, которых дагомейцы принесли в жертву своему богу». Белые люди видели другие отвратительные сцены, включая жертвоприношения многих мужчин, женщин и детей. Переводчик пояснял, что «голова пленника – жертва вождю, кровь – для фетиша, а тело – людям».

И такие убийства продолжались все время. Кровавые боины происходили в Бенине даже в 1897 году, когда англичане захватили эту территорию.

Число африканцев, вывезенных в обе Америки и в Вест-Индию за три с половиной столетия перевозки рабов, вероятно, сильно уступало числу людей, насильственно преданных смерти разными способами на влажном побережье, с его кровавыми бойнями, похотью и громом тамтамов. Этот писатель еще в молодости встретил в южноафриканском порту старика, прожившего много лет среди зулу. На вопрос, как те оценивали потери в людях во время битвы при Исандхлвана, он ответил: «Зулу ведут учет не соплеменников, но голов своего скота, который, подобно другим африканским племенам, считают более ценным, чем людей».

Капитан Снелгрейв, работорговец с большим опытом, находит несколько слов в оправдание торговли:

«Что касается причин обращения этих людей в рабов, то их можно подвести под следующие несколько параграфов.

1. С незапамятных времен среди негров существует обычай обращения в рабство всех пленников, захваченных на войне. До того как они получили возможность продавать белым людям пленников, им приходилось убивать последних в больших количествах. Так много людей негры не могли использовать на своих собственных плантациях из опасения, что те восстанут и будут угрожать безопасности своих владельцев.

2. Большинство преступлений у них наказывается штрафами. Когда преступник не располагает средствами заплатить штраф, он продается в рабство. Такова практика как жителей континентальной части Африки, так и побережья.

3. Должники, которые отказываются платить долги или неплатежеспособные, подлежат обращению в рабство. Однако друзья могут выкупить их, а если не смогут или не пожелают этого сделать, то тогда их продают совсем к выгоде кредиторов. Но в руки европейцев попадали немногие из таких – их использовали соплеменники для собственных нужд.

4. Мне говорили, что некоторые континентальные обитатели имеют обыкновение продавать в рабство своих детей, хотя к этому их никто не принуждает. Я склонен верить в это, но никогда не замечал, чтобы это практиковали жители прибрежных районов, если их не вынуждали поступать так крайняя нужда и голод, как это случилось позднее с племенем Вида.

Сейчас таким образом становятся рабами многие негры, особенно попавшие в плен во время войны. Число последних столь значительно, что можно смело утверждать без всяких преувеличений, что представители всех европейских стран, заключившие торговые сделки на побережье Гвинейского залива, в некоторые годы вывозили оттуда по меньшей мере по семьдесят тысяч негров. Вначале это число, несомненно, может показаться невероятным. Тем не менее, если принять во внимание протяженность побережья, которая составляет 4000 миль от островов Зеленого Мыса до Анголы, а также распространенную среди аборигенов полигамию, способствующую обилию населения, то, надеюсь, не покажется удивительным, что отсюда ежегодно вывозится так много рабов.

Против законности такой торговли часто выдвигаются возражения, которые я не стану опровергать. Замечу только, что, хотя торговля людьми может на первый взгляд показаться

варварской, аморальной и противоестественной, тем не менее работорговцы могут привести в свое оправдание самый веский аргумент представителей всех видов торговли – выгоду. И это относится не только к купцам, но и к самим рабам, что подтверждают нижеследующие доводы.

Во-первых, очевидно, что множество людей, захваченных в плен во время войны, могли быть бесчеловечно уничтожены, если бы им не представилась возможность попасть в распоряжение европейцев. Таким образом, многие жизни весьма полезных людей, по крайней мере, были спасены.

Во-вторых, когда их привозят на плантации, им живется там гораздо лучше, чем в своих странах, поскольку плантаторы, заплатив за них высокую цену, заботятся о них.

В-третьих, обработка английских плантаций настолько улучшилась, что трудно поверить, как много выгод приобрела страна в связи с этим. Особенно это касается Сахарных островов, расположенных в зоне, близкой по жаркому климату к побережью Гвинеи: негры больше приспособлены к обработке земли на этих островах, чем белые люди.

Далее вопрос о преступниках среди негров. Таким способом их вывозят, чтобы никогда не возвращать. Мы здесь всегда мечтали о таком благе.

Словом, выгоды от такой торговли намного перевешивают как реальные, так и мнимые беды и неудобства. Но иногда преимущества, как показывает практика, представляют собой сочетание плюсов и минусов».

Однако согласно современной этике работорговля является злом и не может быть оправдана исходя только из экономической логики.

Филантропический раж abolitionистов, не многие из которых видели корабль с грузом рабов на борту, создал посредством преувеличений ложное впечатление об условиях содержания негров на такого рода торговых судах, обычно самых чистых и обустроенных. Общее представление об обращении с рабами на борту кораблей до отмены работорговли сильно отличается от того, что было на самом деле. В действительности о рабах заботились гораздо больше, чем о свободных белых эмигрантах и других несчастных пассажирах до 20-х годов XIX века. Причина заботливого обхождения с рабами проста. Как и в торговле со скотом: чем здоровее груз, тем выше прибыль. В случае же с несчастными белыми пассажирами, которым приходилось оплачивать свой проезд до высадки, наоборот, их скорая смерть приносила большую выгоду судовладельцам.

Вышеприведенные доводы подтверждают цитаты из работы доктора медицины Джорджа Пинкарда «Записки о Вест-Индии» (Лондон, 1906), написанной в 1795–1798 годах в форме писем к другу:

«Ты должен помнить, как давно и как сильно я желал попасть на торговые корабли, ходившие в Африку, чтобы лично познакомиться с манерой обращения с теми темнокожими, которых отрывает от родного дома железная рука коммерции для транспортировки в обитель рабства. И тебе будет приятно узнать, что очень скоро мне выпала возможность осуществить свое желание.

Североамериканский невольничий корабль, приписанный к Саванне в штате Джорджия, прибыл с гвинейского побережья как раз перед нашим входом в бухту (на Барбадосе) и стоял на якоре с грузом негров на борту очень близко от нас. Опасаясь, что он отправится в Америку, и не желая упустить первый представившийся случай удовлетворить распиравшее нас любопытство, капитан Клегхорн и я утром после того, как наш корабль бросил якорь, взяли лодку и отправились посетить судно из Гвинеи. Нам повезло – капитан и его помощник на судне встретили нас весьма любезно и доставили нам удовольствие, с готовностью отвечая на заинтересовавшие нас вопросы.

Груз включал 130 рабов, две трети которых составляли мужчины и одну треть – женщины. Представителей двух полов разделили перегородкой, или переборкой, сооруженной поперек корабля от борта к борту. Шкафут выделялся для мужчин, ют – для женщин. Большая

часть рабов были молодого возраста – от десяти до восемнадцати лет. Мы с удовольствием отметили царившую здесь атмосферу бодрости и довольства. Лишь немногие были унылыми и подавленными. У рабов не было одежды, их опоясывали широкие ленты из голубой ткани с напуском спереди, служащим фиговым листом, какие носили наши прародители в благословенном саду Эдема.

Когда мы ходили среди них, они пялили на нас глаза с притворным любопытством. Некоторые из мальчишек, подобно светлокожим сверстникам, проявляли игривость и ужимки. Одна-две женщины, свободные от оков образования, бросали на нас ненароком выразительные взгляды или подавали многозначительные знаки. У многих имелись клеймения на коже, сделанные, очевидно, режущим инструментом. Как выяснилось, это были метки народностей, к которым они принадлежали. Сточенные или заостренные кверху зубы у некоторых придавали им отталкивающее, зверское выражение. Они выглядели сытыми и здоровыми, хотя кое у кого на коже выступала сыпь, названная «кра-кра».

Койкой для рабов служила палуба. Разбитые на две группы, они покоились по ночам на голых досках: женщины – на палубе кормовой каюты, мужчины – на главной. В дневное время им не разрешалось оставаться там, где они спали. Их содержали главным образом на открытой палубе, где их заставляли делать упражнения и побуждали танцевать и веселиться под музыку их любимых банджо. Мы видели, как в танце они едва передвигают ноги, но выбрасывают вперед руки и совершают телодвижения непристойного характера. А их пение представляет собой дикие и свирепые выкрики, начисто лишенные мягкой тональности и гармонии, к тому же они громко голосят с хриплой монотонностью.

Едят рабы в основном рис, сваренный в обычной воде, – садятся вокруг большого плоского блюда на корточки, как обезьяны, запускают туда свои длани, чтобы ухватить пальцами горсть. Мы видели, как некоторые из них очищали рис от красной шелухи: надо было растолочь зерно в деревянных ступах деревянными же пестиками, достаточно длинными, чтобы стоять в полный рост, долбя ступу, которая стоит у ног. Хотя в их работе незаметно усердие, очевидно, что сам процесс доставляет им радость. Они бьют пестиком в такт песне и кажутся счастливыми.

Весьма рад завершить свой рассказ, проинформировав тебя о том, что мы не обнаружили следов тех жестокостей и ужасов, которые, как утверждают, практикуются на кораблях, занимающихся перевозкой живого товара, и так пугающе приумножают разнообразные несчастья рабства. Цепи, удары бичом и жестокости, видимо, не входили в арсенал средств, используемых при доставке несчастных африканцев к их американским владельцам. Мы, конечно, чувствовали себя неуютно, размышляя о позорной практике отношений между цивилизованными существами и менее культурными особями, но мы не были шокированы лицемерием жестоких проявлений тирании и бесчеловечности. Здесь рабам обеспечивались комфорт и здоровые условия существования.

Их привычка купаться в холодной воде всячески поощрялась. Сами они, как и весь корабль, содержались в исключительной чистоте. Рабы получали обильную пищу, а в дневное время рассеивались по кораблю для того, чтобы по возможности предотвратить их тесные нездоровые скопления. Поощрялись смех и веселье, физические упражнения. Заботились о том, чтобы отвлечь рабов от грустных мыслей об изменении их положения и утрате дома; и могу сказать прямо, что среди них царила атмосфера удовлетворения в большей степени, чем можно было ожидать. В то время как многие из них танцевали, пели и играли друг с другом, остальные помогали в работах на корабле. Мы даже узнали, что некоторые из них оказались весьма полезными во время перехода и стали опытными моряками. Кажется, они относятся к капитану корабля скорее с симпатией и, хотя остаются исполнительными и послушными, не производят впечатления запуганных людей. По необходимости они собираются толпами, осо-

бенно в местах ночлега, однако на корабле принимаются меры, чтобы от этого не было вреда и рабы оставались здоровыми.

Мы спустились вниз посмотреть место ночлега, где жесткие доски образуют общее постельное ложе и каждый африканец должен был спать, подложив под голову руку. Мужчины лежали на досках так близко друг к другу, что между их голыми телами едва ли можно было поставить ногу. Рано утром людей всегда выводили на палубу, а спальное место тщательно мыли. И все же смрад, исходящий от столь большого числа спящих тел, сохранявшийся здесь даже при отсутствии постельного белья, личной одежды, багажа или мебели, оскорблял обоняние европейца и ясно указывал, что если бы здесь не уделяли достаточного внимания чистке и вентиляции, то началось бы распространение болезней. Хотя африканцы любят мыться и, кажется, не чужды личной гигиены, они равнодушны к поддержанию чистоты общего места, а также к известным правилам приличия. Ведь, несмотря на строжайшие запреты, они не всегда бросают привычку отправлять естественные надобности там, где спят.

На другой день после посещения американского невольничьего корабля мы увидели один из кораблей нашей собственной страны, курсировавший на линии Ливерпуль– Гвинея. Судно большего водоизмещения, приспособленное для торговли, имело на борту необходимый состав команды и достаточное количество орудий для защиты от неприятельских каперов, а также предназначалось для перевозки пятисот рабов. Мы ожидали, что негры будут размещены здесь лучше, чем на американском корабле, но значительной разницы не заметили. Хотя число рабов на борту английского судна превышало все допустимые нормы, условия размещения людей были почти одинаковыми. Корабль из Ливерпуля содержался в исключительной чистоте, как и американское судно, но межпалубное пространство последнего было просторнее и выше, поэтому рабы ночевали там в меньшей тесноте.

Возможно, было бы полезно для транспортировки наших войск из Англии извлечь уроки из нынешнего способа вождения невольничьих кораблей из Африки на гвинейской линии. Рабы гораздо более скученны, чем солдаты, однако намного здоровее. Следует определить причину этого, и я подозреваю, что она коренится в разнице обращения с людьми и размещения их. Осмелюсь высказать такое мнение: гвинейский корабль доставляет – с меньшей опасностью эпидемии – груз рабов, вдвое превосходящий по численности транспорт с солдатами».

В своей книге «Старый мир в новом» профессор Эдвард Ашворс Росс пишет: «Если бы Атлантика высохла сегодня, можно было бы проследить путь между Европой и Америкой по шлаку наших пароходов. В прежнее время этот путь обнаружил бы себя человеческими костями».

Условия заморского плавания становились причиной гибели слабых. Корабли были небольшими и переполненными людьми, каюты тесные, а морской переход требовал от шести до десяти недель. «В межпалубном пространстве, – свидетельствует один колонист, – человек едва может дышать, поскольку его охватывает по ночам страх, который вызывает гниение крови и болезнь, очень похожую на чуму».

Уильям Пен настаивал в своем циркуляре, чтобы те, кто выходит в море, находились на палубе как можно больше времени и «разбрызгивали уксус в каюте». Корабль, на борту которого он выходил в море, потерял треть своих пассажиров от оспы.

В 1639 году жена одного губернатора писала, что корабль, на котором она вышла в море, был «настолько набит людьми и товарами, столь насыщен инфекционными болезнями, что через некоторое время пассажиры уже наблюдали сбрасывание трупов за борт». Одно судно потеряло 130 из 150 душ. Шестая часть из 3000 немцев, посланных морем в 1710 году, погибла во время перехода, длившегося с января по июнь. Не лучше прошла транспортировка беженцев-гугенотов в 1689 году – корабль, отправившийся из Роттердама со 150 беженцами, после двадцати четырех недель пути высадил на берег менее 50 человек. В 1738 году «заразная лихорадка и дизентерия» оставили лишь 105 из 400 беженцев. В 1755 году бриг, пришедший в Нью-

Йорк, потерял во время перехода 100 солдат шотландского полка. Подсчитано, что в период между 1750 и 1755 годами с кораблей, отбывших из Роттердама, были сброшены в море 2000 трупов. В 1756 году Муленберг так описывал ужасы морского перехода: «Во время плавания переживаешь на этих кораблях ужасные мучения, вонь, дым, рвоту, разные болезни, лихорадку, дизентерию, цингу, дурной запах изо рта и тому подобное. Все это идет от пересоленной пищи и мяса, а также от плохой грязной воды. Поэтому многие мрут жалким образом... Многие сотни людей неизбежно погибают в таких ужасных условиях и должны быть выброшены в море. Ночью и днем на борту корабля не прекращаются вздохи, плач и причитания».

Практика охраны здоровья на невольничьих кораблях оставалась эффективной до тех пор, пока страны, занимавшиеся работорговлей, объявили ее незаконной. Затем работорговлей занялись контрабандисты, скопища негодяев-пиратов, подонки из морских держав. Рабов стали перевозить на остроносых, быстроходных кораблях со сравнительно малыми палубами и трюмами, в которых несчастные негры претерпевали мучения, болезни и смерть. Эти суда эксплуатировались на полную мощность в любую погоду, особенно во время преследования, когда плотно задраивали люки трюмов. В таких условиях состояние живого груза было действительно ужасным. Тогда даже не думали о том, чтобы рабов привлекать к работам на корабле или научить их с оружием в руках защищать своих белых хозяев.

В старой книге о морских путешествиях содержится рассказ о вояже французского невольничьего корабля *Le Rodeur* с 200 тоннами груза, который отправился из порта Гавр к реке Калабар на африканском побережье. 14 марта 1819 года корабль стал на якорь на реке Бонни. Во время трехнедельной стоянки команда добыла 160 негров и 6 апреля отправилась в Гваделупу. Дальнейший рассказ, предназначенный для матери, вел двенадцатилетний парень по имени Ж.Б. Ромэнь, сын плантатора на Гваделупе, отправившийся в путешествие на *Le Rodeur* как пассажир под особым присмотром капитана. Этот документ особенно ценен своей простотой и тем, что проливает свет на состояние человеческой души в обстоятельствах, почти невозможных для наблюдений.

I

Прошла всего неделя с тех пор, как мы отправились в плавание, но не моя вина, что я не сел за свои записи раньше. Первые два дня болел морской болезнью, в другие пять так штормило, что не мог сидеть за столом не закрепившись. Даже сейчас нас качает, как бурого дельфина, однако я могу сидеть устойчиво и твердо держать перо. Поскольку собираюсь послать тебе то, что пишу, не переписывая в конце плавания, стараюсь изо всех сил. Надеюсь, однако, любимая мама, что ты учтешь, как огрубели мои пальцы в условиях, когда приходится весь день натягивать канаты. Капитан решил, по его словам, сделать из меня моряка. Капитан доволен мной и весьма благодушен. Он пьет много бренди. Прекрасный, чудный мужик, уверен, что полюблю его всей душой.

II

Сегодня я поинтересовался у капитана, когда мы доберемся до Гваделупы. Он сказал, что нам пришлось пройти большое расстояние, прежде чем мы взяли верный курс. Спросил, как мне нравится мой черный раб-подросток. Я сказал, что очень нравится, и добавил, что собираюсь иметь много рабов в Гваделупе. Он спросил, что я с ними буду делать.

– Буду кормить, – ответил я.

– Хорошо, – сказал капитан, – это сделает их крепче. Но ты ведь собираешься заставить их работать, не так ли? – прибавил он.

– Да, будьте уверены, – согласился я.

– Тогда скажу тебе, что тебе нужно как кормить их, так и пороть.

– Так и будет, – заверил я его, – это то, что я собираюсь делать, но нельзя допускать увечий.

– Конечно, калечить их не надо, – поддержал он меня, – иначе они не смогут работать, но если ты не заставишь их до мозга костей почувствовать то, что от них требуется, то можешь сразу выбросить их за борт.

III

С тех пор как мы прибыли сюда, в Бонни, поселение на одноименной реке на побережье Африки, я стал привыкать к завываниям этих негров. Сначала это тревожило меня, не мог спать. Капитан говорит, что, когда они успокоятся, их легче будет отправить в Гваделупу. Убежден в этом. Хочу, чтобы эти дикие существа успокоились и преодолели отчаяние. Сегодня один из черных, которого заталкивали в трюм, неожиданно ударил матроса и попытался перепрыгнуть через борт. Однако другой матрос схватил его за ногу, а тот, который получил удар, распалившись, искалечил негра абордажной саблей. Увидев это, капитан уложил мясника на палубу гандшпугом.

– Я научу тебя сдерживаться, – кричал он, ругаясь. – Это был лучший раб из партии.

Я подбежал к грот-руслени посмотреть. Они сбросили черного в море, когда поняли, что тот бесполезен. Он плыл даже после того, как скрылся под водой, ибо я видел кровавый след, тянувшийся к берегу. Постепенно след замер, расширяясь, обесцветился и пропал совсем.

IV

Теперь мы снова в море, и я уверен, милая мама, что меня это радует. Капитан в прекрасном расположении духа. Он ходит по палубе, потирая руки и напевая мотив. Говорит, что везет на борту 60 рабов – мужчин, женщин, детей. Все в отличном товарном виде. Я, однако, не видел их с тех пор, как мы отчалили от берега. Их стоны так ужасны, что я не решаюсь пойти и заглянуть в трюм. Вначале я не мог сомкнуть глаз. Их крики заставляли стынуть кровь, а однажды ночью, вскочив в ужасе, я побежал в капитанское отделение каюты. Лицо капитана освещал свет лампы. Оно было неподвижно, как мрамор. Капитан спал глубоким сном, и мне не хотелось его беспокоить.

V

Сегодня, когда мы завтракали, капитану сообщили о том, что умерли два раба, задохнувшись, как полагали, в тесноте трюма. Он немедленно приказал вывести всех негров наверх, группу за группой, на полубак, чтобы дать им подышать. Я поднялся на палубу, чтобы посмотреть на них. Они не показались мне особенно измученными, но эти черные, которых трудно отличить одного от другого по одежде, до невозможности похожи друг на друга.

Однако, едва достигнув борта, один из них, затем другой и третий попрыгали на фальшборт и бросились в море до того, как изумленные матросы успели поинтересоваться, что они намерены делать. Такую попытку предприняли и другие, но без успеха. Их положили плашмя на палубу, и команда стерегла их с гандшпугами и абордажными саблями наготове, пока не узнали мнение капитана о мятеже.

Между тем сбежавшие негры продолжали мелькать среди волн, крича изо всей мочи. Их крик показался мне триумфальной песней, под впечатлением которой запели некоторые из их товарищей на палубе. Наш корабль быстро удалялся от диких беглецов, их голоса становились

на ветру все тише. Скрылась черная голова одного, другого, затем виднелось одно море, в воздухе не слышалось ни звука.

Когда капитан, позавтракав, вышел на палубу и ему доложили о мятеже, он побледнел и заскрежетал зубами.

– Нам нужно преподать им урок, – сказал он, – или мы потеряем работу.

Затем капитан приказал связать рабов по группам и поместить их на полубаке. Выбрав шесть негров, которые пели вместе с беглецами и подозревались, таким образом, в руководстве заговором, он приказал троих из них расстрелять, а троих других повесить на глазах остальных рабов.

VI

Прошлой ночью я не мог уснуть, мое тело покрылось холодным потом. Шагая взад-вперед по каюте, я думал о шести неграх и поглядывал на дверь отделения каюты капитана. Слышал его храп, и это внушало мне страх. Наконец я начал молиться так громко, что разбудил его. Он спросил, что случилось.

– Молюсь, – ответил я.

– Отлично, парень, – сказал он и через мгновение захрапел, как прежде.

VII

Со времени мятежа негры заключены в тесном нижнем трюме. Это вызвало болезнь глаз, которая привела к слепоте. Матросы, которые швыряют еду из верхнего трюма, докладывают, что болезнь распространяется угрожающе быстро, и сегодня за обедом капитан и судовой врач совещались по этому вопросу. Врач заявил, что, насколько ему известно, случаи заболеваний уже столь многочисленны, что он не в состоянии помочь. Капитан же настаивал, что каждый излеченный раб сохраняет свою стоимость и лучше потерять часть невольников, чем всех. Болезнь, кажется, не является всегда фатальной для негра. Пациенты вначале слепнут, но к некоторым зрение постепенно возвращается с потерей возможности видеть одним глазом или ослаблением таковой для обоих глаз. В результате разговора больных рабов перевели в верхний трюм. Там их осматривал врач так же, как и белых людей.

VIII

Все рабы и часть команды слепнут. Слепнут капитан, врач и помощник капитана. Из двадцати двух человек нашей команды остались немногие, способные работать на корабле. Капитан, как может, поддерживает порядок, врач все еще пытается выполнять свой долг. Наше положение угрожающе.

IX

Теперь ослепли все члены команды, кроме одного. Остальные работают по его командам, как бессознательные машины. Капитан стоит рядом с толстым канатом, которым он иногда пользуется, когда его подводит к нерадивому члену команды тот, кто еще видит. Мои глаза тоже начинают поддаваться болезни. Я больше ничего не увижу, кроме смерти. Спросил у капитана, позволит ли он черным выбраться на палубу. Он сказал, что это бесполезно, что члены команды на палубе так же слепы, как негры, что, если их вывести наверх, они разбредутся кто куда. Если

же они останутся там, где находятся, хотя бы часть из них, по всей вероятности, сохранит свою пригодность, если нам выпадет счастье добраться до Гваделупы.

Мы продолжаем испытывать ужасную боль, не имея другого рулевого, кроме судьбы. Потому что последний член команды, который оставался нашей надеждой, тысячекратно увеличил беду товарищей, разделив ее с ними.

Ты не можешь представить себе наше положение. Недостаточно вообразить себя в темноте в глубокую полночь без единой звездочки в небе, ободряющей тебя, без единого друга, способного помочь. Ибо даже тогда ты могла бы видеть. Могла бы видеть блики воды, белые барашки волн, могла бы отчасти видеть или угадывать контуры предметов вокруг себя. В конце концов, ты, по крайней мере, имеешь абсолютное убеждение, что через несколько часов солнце вновь поднимется над океаном, а над миром вспыхнет новая утренняя заря.

Наша ночь не похожа на морскую ночь, на темноту, смешивающуюся со светом в подобии неясного воспоминания о дне и чувства облегчения в связи с неизбежностью наступления утра. Мы ослепли, ослепли навсегда, дрейфуя по океану, как обломки кораблекрушения, двигаясь как облако по ветру. Капитан совсем ослеп, тем не менее надеется на возвращение зрения, между тем другие отчаиваются. У кладовой постоянно выставляется охрана с обнаженными саблями для предотвращения расхищения бочек со спиртом и гибели в безумии опьянения. Некоторые проклинают и ругаются с утра до ночи, другие гундосят похабные песни, третьи целуют распятие, дают обет блаженным святым. Несколько матросов лежат весь день в подвешенных койках, очевидно предпочитая скорее голодать, чем выбираться за пищей. Что касается меня, то я хватаю все, что можно есть. Кулинария была забыта. Я испытывал счастье, когда удавалось добыть чашку воды, чтобы размягчить печенье, сухое и твердое как камень.

X

Мама, твой сын ослеп на десять дней, хотя сейчас зрение улучшилось настолько, что можно писать. Я мало что могу рассказать о событиях за этот период. Каждый из нас жил в своем собственном мире тьмы, населенном тенями и фантомами. Мы не видели ни корабля, ни неба, ни моря, ни лиц друг друга.

Затем начался шторм. За рулем судна никого не было, некому было зарифлять паруса. Мы неслись вперед, как старый корабль-призрак, который равнодушен к ветру и погоде. Наши мачты кренились и скрипели. Паруса срывались с креплений с треском, похожим на залп мушкетов. Яростно бушующее море в один момент целиком поглощало нас от форштевня до кормы. В следующий момент оно снова бросало нас вперед, словно в ненависти и отвращении. Даже в таких условиях кит вытолкнул обреченного Иону. Стонущий ветер наконец затих, мы почувствовали, как качаемся без продвижения на волнах угрюмой бездны. Наконец мы услышали над водой шум, не похожий на шум гладкой зыби после шторма. Наши сердца забились во внезапно нахлынувшей надежде. Она переживалась особенно остро. Мы затаили дыхание. Шум продолжился. Он походил на плескание тяжелого тела в спокойной воде. Общий крик сорвался с губ людей, находившихся на палубе. Он был подхвачен матросами в гамаках внизу и рабами в трюме.

На наш крик ответили! Мы снова закричали сквозь рыдания и слезы. На этот крик снова ответили. Несколько минут ничего не было слышно, кроме эмоциональной переключки.

Капитан первым обрел самообладание. Мы умолкли, когда услышали, как он разговаривает с приближающимся судном своим обычным вызывающим тоном:

- Эй, на корабле! Эгей! Что за корабль!
- «Сент-Леон» из Испании. Ради бога, помогите нам!
- Мы сами хотим спастись, – ответил наш капитан.

– Мы умираем от голода и жажды. Пришлите нам еду и несколько матросов для работ на корабле и сообщите ваши условия.

– Мы дадим вам еду, но сами нуждаемся в матросах. Перебирайтесь к нам на борт, мы дадим вам провизию в обмен на людей, – сказал капитан.

– Доллары! Доллары! Мы заплатим вам деньгами в тысячекратном размере, но не можем прислать людей. У нас негры на борту, они заразили нас офтальмией, и мы совершенно ослепли.

При упоминании этого ужасного совпадения среди нас на несколько мгновений воцарилось гробовое молчание. Его прервал припадок смеха, к которому я сам присоединился. Прежде чем закончилось наше безумное веселье, мы по звукам проклятий со стороны испанцев услышали, как «Сент-Леон» удаляется от нас.

Этот корабль, по всей вероятности, пошел ко дну, поскольку не достиг никакого порта.

XI

Тот моряк, который сохранял зрение дольше всех, раньше всех стал видеть. Только благодаря его усилиям, а также Провидению Божьему и милости блаженных святых мы находимся сейчас, 21 июня 1819 года, в нескольких лье от Гваделупы. Сам я почти выздоровел. Врачи еще одиннадцать членов экипажа неизлечимо ослепли. Капитан перестал видеть одним глазом, та же участь постигла четырех других матросов. Пятеро могут видеть двумя глазами, правда не в полную силу. Среди рабов тридцать девять полностью ослепли, остальные или видят одним глазом, или имеют другие дефекты зрения.

Этим утром капитан вызвал на палубу всю команду и негров. Показались берега Гваделупы. Полагаю, он публично хотел поблагодарить Господа за наше чудесное спасение.

– Вы уверены, – спросил помощник, – что груз застрахован?

– Уверен, – ответил капитан. – Каждый потерянный раб застрахован. Кроме того, не хотите ли вы, чтобы я превратил свой корабль в госпиталь для слепых негров? Они и так обошлись нам дорого. Выполняйте свою работу.

Помощник собрал с помощью других членов команды тридцать девять совершенно слепых негров. К ногам каждого привязали балласт. Затем бедолаг сбросили в море.

Вероятно, самой старой и влиятельной в мире является Аболиционистская партия Великобритании. И именно там в течение нескольких веков процветала насильственная вербовка во флот, не упраздненная до запрета работорговли. Из-за этой несправедливой системы множество британских моряков, рожденных свободными, были обречены на жизнь во многих отношениях худшую, чем жизнь черного раба. На военном корабле условия были жестокими, дисциплина настолько суровая, что она ломала психику тех людей, кто не был закален испытаниями. Однако ни слова не вымолвили о жертвах рекрутчины стеновавшие о бедных африканцах, оторванных от родных берегов, английские ораторы и поэты. Но если бы их черные подопечные, подобно завербованным матросам, стояли между ними и их противниками, они сделали бы все возможное, чтобы держать их там до тех пор, пока существовала бы угроза их самодовольному комфорту.

Эрнест Г. Пентекост

Глава 1

ПОБЕРЕЖЬЕ ГВИНЕЙСКОГО ЗАЛИВА

Этот берег невольников Западной Африки располагается между рекой Сенегал сразу к северу от островов Зеленого Мыса и местностью, где протекает река Конго, шесть градусов широты южнее экватора. Это прибрежная низменность с многочисленными песчаными пляжами, хотя большая ее часть граничит с районами дельт, покрытых ядовитыми болотами, через которые выются бесчисленные протоки малых речушек, пронизывающих страну. Здесь имеется несколько гаваней, и торговое судно вынуждено искать якорную стоянку на отмелях у устья какой-нибудь реки или становиться на рейд на безопасной дистанции от берега, в то время как торговля осуществляется при помощи каноэ и лодок, которые носятся на больших волнах, накатывающих на песчаный берег. Местность густо заселена неграми, в течение почти четырех столетий она поставляла рабов, в которых нуждались острова Вест-Индии и обе Америки. Эта торговля была неотделима от жестокости, болезней и смерти. Остров Горе и Гамбия – Золотой Берег и Берег Слоновой Кости – Вида, Старый Калабар и Бонни – вот некоторые названия, которые имеют соответствующее значение в связи с отвратительной торговлей человеческой плотью.

Незадолго до открытия Гвинейского залива португальскими мореплавателями и по крайней мере за два десятилетия до того, как Колумб отправился из Палоса, в Лиссабоне был учрежден невольничий рынок, на котором продавались негры с побережья Гвинеи. От мавров португальцы узнали о проживании к югу от великой пустыни многочисленных чернокожих людей, принадлежавших к расе, проклятой Богом, и предопределенных быть рабами.

К 1502 году к причалу на Гаити пришвартовался первый корабль с грузом африканцев, предназначенных для работы в рудниках. С тех пор невольничий флот курсировал к побережью Гвинеи и оттуда почти до самой отмены рабства в Бразилии в 1888 году.

Сначала рабов выторговывали у негров прибрежных деревень за золото или воск, доставленные невольничьими судами. Затем один за другим такие корабли шли вдоль побережья на некотором расстоянии, подбирая нескольких негров в одном месте, немного слоновой кости или золота – в другом. На некоторых стоянках невозможно было найти ни рабов, ни слоновой кости, требовалось много времени, чтобы добыть приличный груз. Побережье становилось гибельным для европейцев, и торговля с коварными неграми представляла чрезвычайную опасность. Вскоре был принят план насаждения вдоль невольничьего берега с небольшими интервалами малых поселений европейцев. Их, защищенных фортами, порой значительного размера и мощи, называли невольничьими факториями, а в обязанности главы фактории или командира входили переговоры с неграми и стимулирование их к организации экспедиций с целью охоты за рабами. Приведенных из глубины страны рабов покупали в ходе бартерного обмена, а затем до прибытия невольничьих кораблей помещали под охрану в сараи или пакгаузы, известные как загоны для рабов.

Такого рода фактории были основаны англичанами, французами, голландцами и португальцами вдоль всего западного побережья, от островов Зеленого Мыса до Конго. Местность для них обычно выбирали близ устья какой-нибудь реки для того, чтобы облегчить поставку рабов. Иногда факторию строили в более прохладном и здоровом месте – на небольшом острове у побережья.

Стены крупных фортов огораживали значительное пространство земли, на котором строились казармы, пакгаузы для товаров и загоны для рабов. Хижины негров, обслуживавших факторию, выносились за стены форта, но под защиту его орудий. Главным британским фортом был Кейп-Кост-Касл на Золотом Берегу. Неподалеку располагался Сент-Георг-дель-Мина,

сооруженный португальцами, но затем перешедший в распоряжение голландцев. Французы построили в устье Сенегала форт Людовик и еще один – на острове Горе, недалеко от островов Зеленого Мыса. Форт Джеймс располагался в Гамбии, имелись важные форты в Анамобо, Аккре и Виде. Большинство таких фортификационных сооружений, оснащенных 50–60 орудиями, были неприступны для негров и даже выдерживали постоянные осады европейцев.

Под командой губернатора или коменданта находились солдаты, нанятые для службы в компании, и некоторое число клерков, механиков и мелких посредников, ответственных за транспортные связи между городами страны. Эти люди поднимались в верховья рек на борту маленьких парусных судов или на вооруженных лодках и обменивали европейские товары на рабов, золотой песок и слоновую кость, доставленные неграми. Иногда они открывали своего рода магазины или торговые предприятия в городах, оставались там на несколько месяцев, к вящему удовольствию местных царьков или вождей. Многие из этих людей были объявлены дома вне закона или нуждались в средствах к существованию. Поэтому они стремились наняться в экспедицию к побережью Африки, где могли вести относительно праздную жизнь с небольшими неудобствами или вовсе без них. Там они имели возможность совершенно свободно удовлетворить любую человеческую страсть, будь то необузданное пьянство или сношения с негритянскими девушками. Они понимали, что пагубный климат мог постепенно довести их до гибели, поэтому для многих изгнанников, лишенных связей с родиной, это была «короткая, веселая жизнь».

Солдаты в фортах редко вели боевые действия и проводили время в курении табака, потреблении пальмового вина и играх. Фактически большую часть времени они оставались физически не приспособленными для военной службы, а в течение двух лет после прибытия на побережье становились непригодны к службе по причине болезни и морального разложения. Чужеземец, посещавший один из африканских фортов, отмечал во внешнем облике гарнизона нечто ужасное и нелепое, поскольку солдаты выглядели безобразными на вид, ослабленными и больными. Их мундиры превратились в грязные лохмотья. Чужеземцу казалось, что эти люди представляли собой банду пьяных дезертиров или оголодавших и избитых военнопленных¹.

Сэр Джон Хокинс был первым англичанином, который перевозил рабов с гвинейского побережья в Америку. Это происходило в 1562 году, и за его удачным вояжем, «принесшим искателям приключений большую прибыль», последовали другие подобные предприятия. В 1618 году король Англии Яков I предоставил одной акционерной компании грамоту на торговлю с Гвинеей, но частные предприниматели и контрабандисты не посчитались с правами компании и добились свободной торговли.

В 1662 году грамоту получила другая компания – во главе с братом короля, герцогом Йоркским, известная как Компания королевских предпринимателей Англии по ведению торговли с Африкой. Компания обязалась снабжать английские плантации тремя тысячами рабов ежегодно. Год или два она осуществляла успешную торговлю и привозила золотой песок в Англию в таком количестве, что король Карл II приказал чеканить новую золотую монету стоимостью 21 шиллинг, известную как гиней, на которой был изображен не только король, но и в качестве знака отличия – небольшой слон. Монеты отчеканили, как утверждают, для поощрения импорта золота из Африки. В 1664 году голландский адмирал Де Рейтер захватил гвинейские форты компании, включая Корментин-Касл, а также некоторые корабли, так что потери компании составили более 200 тысяч фунтов, в результате чего она была вынуждена сдать свою грамоту.

В 1672 году получила грамоту Королевская африканская компания и в течение более столетия вела более или менее успешную торговлю с побережьем Гвинеи. Она стимулировала английское производство нескольких видов шерстяных и хлопчатобумажных изделий и

---

¹ Howison J. European Colonies. Vol. 2. Edinburg, 1821.

открыла для продукции Шеффилда значительный рынок. Предметами импорта были слоновые бивни, красящая древесина, воск и золотой песок. Последний поступал в Англию в таких количествах, что зараз чеканилось 40–50 тысяч гиней. Но доминирующим фактором торговых операций компании оставалась выгодная закупка негров в Гвинее, которых следовало доставлять в американские колонии и продавать там в рабство. На обратном пути основным грузом был неочищенный тростниковый сахар для снабжения растущего английского рынка.

В 1790 году на побережье было создано около сорока фортов и факторий. Четырнадцать принадлежали англичанам, пятнадцать – голландцам, три – французам, четыре – португальцам и четыре – датчанам. Подсчитано, что ежегодное число негров, продаваемых в рабство или похищаемых в то время, не могло быть меньше 100 тысяч. Между тем общее количество негров, вывезенных для обращения в рабство до 1800 года, свидетельствует о том, что жертв невольничьих кораблей было не менее 30 миллионов.

Корабли, торгующие на побережье, обнаруживали, что успех зависел от условий местности. Став на якорь в устье реки Гамбии, напротив форта Яков, корабль высылал к берегу лодку для оповещения о своем прибытии алькальда, или городского главу, который немедленно прибывал на борт корабля, чтобы получить мзду за стоянку. Она включала десять галлонов ликера для вождя, два железных бруска для алькальда и, возможно, нескольких бутылок вина, пива или сидра в подарок. По истечении четырех–семи дней вождь присылал своих людей для сбора пошлин товарами, равными по стоимости 140 железным брускам. Далее на корабль направляли двух переводчиков, двух курьеров и шестерых или более дворецких. Один переводчик работал с брокером, продававшим рабов от имени владельца, и представителем фактории, торговцем или капитаном корабля. Второй – с офицером корабля, посыльным судна или баркаса либо фактории на берегу. Два курьера следили за торговлей на берегу – рабами, слоновой костью, золотом, провизией и т. п., а также за передачей писем от одного судна к другому, на факторию и т. д. Дворецкие использовались в качестве гребцов лодок, дровосеков, водоносов, но фактически их нанимали для заботы о здоровье команды корабля.

Оснащенный всем необходимым, корабль поднимался вверх по реке на сотню лиг до Янамару в королевстве Янси, куда поставлял ликер за стоянку на якоре. Затем курьеры высылались к главному племени, располагавшемуся на расстоянии 20–30 миль вокруг, чтобы выговорить условия продажи рабов. Тендер или баркас отправлялись дальше вверх по реке с товарами для торговли. Именно в этом порту корабли начинали и завершали свою торговлю.

В основном эти черные люди продавали рабов, которые являлись большей частью военнопленными, но нередко и детей, как своих собственных, так и похищенных у соседей. Некоторых рабов пригоняли издалека, потому обычно предлагавшихся в жалком и ослабленном состоянии.

Переводчик приводил на борт корабля или в факторию брокера, справлявшегося о цене, которую капитан готов заплатить за раба, о комиссии для него самого за сделку. Последняя не заключалась до тех пор, пока брокер не посетит все фактории или корабли в порту. Не встретив лучшего предложения, брокер приводил затем на борт корабля владельца рабов, который осматривал предложенные товары, выбирал устраивавшие его изделия, а затем посылал за рабами, которых должен был осмотреть корабельный врач. В случае одобрения предложения владелец рабов получал выбранные товары, менее одного бруска железа в качестве королевской пошлины. Затем рабов-мужчин заковывали в кандалы на главной палубе. С подростками этого не делали, как и с находившимися в юте женщинами и девочками. Брокер получает свою комиссию, и сделка завершалась².

Северное побережье Гвинейского залива делилось на несколько определенных зон: Хлебное побережье, простирающееся от мыса Маунт до мыса Пальмас, где производились рис и

² Доклад палате лордов об отмене работорговли: В 2 т. Лондон, 1789.

маис (кукуруза); Берег Слоновой Кости – от мыса Пальмас до реки Лагос, где в прошлом процветала торговля слоновой костью; Золотой Берег, расположенный между Ассинее и рекой Вольтой и названный так за вывозимое отсюда большое количество золотого песка, которое намывалось в горах и реками на севере; Излучина залива Бенин – между мысами Святого Павла и Формозой, включавшая береговую дугу; Невольничий Берег, а также побережье Види и Лагоса, где в прошлом часто укрывались работорговцы и пираты.

Кейп-Кост-Касл, главный английский форт в эпоху работорговли, сторожил часть Золотого Берега, а позади него располагалась страна фанти и ашанти, которая поставляла на американский рынок большое количество рабов. Форт построили близ моря, над ним не только возвышались три холма, но также недалеко позади, всего в 10 милях, находился голландский форт Святого Георга у Мины, а всего в миле – датский форт Фридериксбург. Единственной пристанью была небольшая песчаная площадка как раз под фортом, к которой чернокожие могли подгонять свои каноэ без риска разбиться. Агент по общим закупкам Королевской африканской компании³, который провел в Кейп-Кост-Касле много времени, отмечал нездоровый характер местности, несмотря на скалистый берег и окружающее нагорье. Он писал:

«Их увлечение своими любимыми крепкими напитками столь велико, даже среди офицеров и представителей фактории, что при любом исходе в любых обстоятельствах должен был присутствовать кубок со спиртным. Что вызывает смерть многих из них... Я часто делал представления кое-кому из начальства, как жить более правильно, то есть воздерживаться от черных женщин, чья естественная необузданность вскоре разрушает их организмы, пить умеренно, особенно бренди, ром и пунш. А также избегать сна на открытом воздухе по ночам, как многие, разгоряченные развратом, делают в одной рубашке, полагая, что охладятся, но, наоборот, убивают себя. Ибо нет ничего более пагубного для организмов европейцев, чем лежать на открытом воздухе, как я достаточно убедился на собственном опыте. Я всегда, насколько это было возможно, пользовался домашней кроватью, днем и ночью надевал на голое тело на животе заячью шкурку в течение более двух лет подряд. Это поддерживало живот в надлежащем положении и весьма способствовало пищеварению. Хотя должен признать, что иногда, особенно в жаркие ночи, это доставляло много беспокойства и вызывало чрезмерную потливость. Воздух, хотя не так прохладен, более разрежен и пронизывающ, чем в Англии. Железо ржавеет гораздо быстрее.

Форт окружают высокие стены. В нем нет свежей воды, кроме той, которая накапливается в очень большой цистерне во время дождей. Ею снабжаются гарнизон и корабли. Чтобы уничтожить гвинейских червей, капитаны имеют обыкновение добавлять в бочку с водой, взятой из цистерны, две-три ложки негашеной извести».

Негры внутренних областей снабжали рынок фруктами, хлебом и пальмовым вином, маисом или пшеницей, производимыми в таком объеме, что большинство из них продавалось кораблям и чернокожим из других областей. Страна была очень богата также золотом и рабами, многие из которых происходили из дальних местностей внутри континента. Фанти и ашанти ценились наиболее высоко, они считались выносливее чернокожих, живших внутри континента.

Анамабо – важный рейд, располагается в нескольких лигах к востоку от Кейп-Кост-Касла. Раньше это было место, куда в значительном количестве сгонялись рабы и где осуществлялось интенсивное судоходство. Чернокожие были хитрыми и злонамеренными людьми. Они часто пользовались золотом, чтобы усыпить бдительность торговца при совершении сделок. Город располагался на песчаном пляже, усеянном галькой. У моря столь высокий прибой, что

---

³ Barbot J. Description of North and South Guinea I I Charchill. Collection of Voyages. London, 1746.

лодкам с кораблей было невозможно причалить к берегу. Вся торговля велась на каноэ туземцев.

Далее к востоку, в Аккре, – обрывистое побережье. Оно удобно для высадки, богато провизией и чистейшим золотом. Страна постоянно воевала с соседями и в связи с этим владела большим количеством пленников для продажи в рабство, так что корабль, иногда появлявшийся у побережья в удобное время, мог в течение двух недель принять на борт груз невольников, и по очень низкой цене.

Любопытные сведения о пользе, извлекаемой туземцами от торговли с европейскими производителями, сообщает Джон Барбот в своем описании Гвинеи:

«Широкое полотно служит туземцам для украшения себя и внутреннего интерьера их захоронений. Из ткани они делают также лоскуты на тряпки. Ленты и шнурки используются для выжимки пальмового масла. По ночам они заворачиваются в старые простыни с головы до ног. Медные тазы служат для мытья и бритья. Шотландские кастрюли употребляются вместо ванночек мясника, когда они закалывают свиней или овец. Из железных брусков кузнецы выковывают оружие, хозяйственные инструменты и посуду. Из грубой шерстяной и полугребенной камвольной ткани они делают пояса шириной в четыре пальца, предназначенные для опоясывания талии. На таких поясах подвешиваются меч, кинжал, нож, а также кошелек с деньгами или золотом, которое обычно запикивают между поясом и телом. Они дробят венецианское стекло на четыре-пять частей, которым впоследствии придают при помощи точильного камня разные формы, делают нитки бус и ожерелья, приносящие большую прибыль. Из четырехпяти элей английской или лейденской саржи они изготовляют своеобразную ткань, которой оборачивают плечи и живот. Из ситца, полугребенной камвольной, набивной и вязаной тканей делают лоскуты для набедренных повязок. Они выплавляют оловянную посуду, такую как блюда, тазы, миски для супа и т. п. В войнах они употребляют мушкеты, кремневые ружья и абордажные сабли. Во время праздников чаще всего пьют бренди. Ножи они используют так же, как и мы. Смазывают тело салом от головы до пят и даже используют его вместо мыла для бритья. Венецианский стеклярус, стеклянные бусы и *contacarbe* служат всем полам и возрастам для украшения голов, шей, рук и ног, а сарсапарелью лечат зараженных венерической болезнью».

К востоку от Золотого Берега располагается страна, известная как Невольничий Берег, потому что из-за бедности золотом здесь торгуют только рабами. Страна простирается от реки Вольты до Джекина. Ее ровная и низменная поверхность постепенно повышается с удалением от побережья. Высадка на берег не только затруднена, но даже опасна из-за ужасных бурунов, которые в течение всего года преодолеваются с большим риском. В сезон дождей с апреля по июль волнение на море столь сильное, что каждый, отважившийся на высадку, должен был помнить предостережение: «Ему следует иметь две жизни, чтобы решиться на это». Ведь каноэ, даже с хорошими гребцами, часто опрокидывались с утратой не только товаров, но и человеческих жизней, поскольку вода кишела хищными акулами, длина которых составляла порой тридцать футов. Они нападали на каждого человека, оказавшегося рядом с ними. Эти хищники обычно плавали стаями, и, когда мертвого раба выбрасывали за борт, одна акула откусывала ногу, другая – руку, остальные же расправлялись с телом на глубине. Все это занимало гораздо меньше времени, чем само описание столь ужасного пиршества. Невольничьи корабли всегда сопровождало множество акул, привыкших ежедневно сжирать выброшенные за борт трупы.

Как только к побережью из Дагомеи или внутренних областей пригоняли рабов, их помещали в большие загоны, сооруженные для этой цели, близ пляжа. Перед заключением торговой сделки корабельные врачи тщательно осматривали рабов. Мужчин и женщин раздевали догола. Тех, кого признавали здоровыми, отводили в сторону и на груди (впоследствии на плече) ста-

вили им раскаленным железом клеймо компании или отдельного работорговца. Это делалось для того, чтобы предотвратить подмену туземцами отобранных рабов другими, менее здоровыми и сильными. Женщин старались прижигать не так глубоко, как мужчин. Затем клейменные рабы возвращались в загоны. Иногда требовалась еще одна или более недель ожидания спада прилива до такой степени, когда рабов можно было бы переправлять на стоящие на рейде невольничьи корабли. Перед тем как посадить в каноэ рабов, их лишали любого лоскутка ткани, когда же они ступали в лодку, стоящий рядом туземный пастор посыпал их головы песком, чтобы отогнать от них злых духов и уберечь от падения в море во время преодоления бурунов.

Торговля на Невольничьем Берегу, особенно после подчинения верховным вождом Дагомеи прибрежных племен, требовала частых церемоний и подарков, не говоря уже о найме многочисленных посредников и слуг. Вначале следовало заплатить пошлины вождю, затем арендовать помещение фактории, а также каноэ и гребцов. Как правило, нанимался надзиратель за товарами, доставляемыми с пляжа, и рабами, садившимися в каноэ. Требовались два брокера или переводчика, два слуги-подростка, привратник и подросток для обслуживания палатки на пляже, курьер для передачи вождю известия о прибытии корабля и приветствий капитана, звонарь для объявления открытия торгов, надсмотрщик за рабами на берегу, шестеро рулевых, женщина-водонос и прачка.

Следовало сделать подношение и представителю верховного вождя, который выходил вместе со своими людьми, чтобы встретить капитана и провести его в форт. Обычно это были испанская шляпа, отрез шелка, бочка муки и еще одна – с говядиной или свининой. При отходе корабля начальнику береговых служб дарили отрез ткани и бочонок бренди. Оплачивалась также установка на пляже палатки, наем носильщиков и разные развлечения, так что ориентировочная стоимость погрузки на невольничий корабль на данном побережье в 1790 году достигала около 368 фунтов стерлингов. Примерно в то же время рабы стоили 5 унций золота, или 19 фунтов стерлингов, за голову.

Вся береговая линия тянется от реки Шерборо, сразу к югу от Сьерра-Леоне, до реки Бенин в Новом Калабаре (часть Африки, наиболее знакомая европейцам до 1800 года). И при ее протяженности по крайней мере в 1500 миль совсем нет судоходной реки, залива или бухты, в которую мог бы зайти корабль. Отсутствуют река или протока, по которым корабельная шлюпка поднялась бы от моря на более чем десяти миль. Очень мало проток, куда сможет войти лодка, а на Золотом Берегу их вообще нет, кроме тех, что у Чамы и Минеса. Доступ к побережью затруднен почти по всей береговой линии из-за мощного прилива, обрушивающегося на пляж. Высадиться на берег можно только в легком каноэ, но даже это бывает невозможно несколько дней, а то и недель подряд, во многих местах не хватает глубины, яростно бьются волны и слишком широкая полоса бурунов. В такое время высадка редко бывает безопасной. На восточной оконечности бухты Бенин побережье негостеприимное. Временами большей частью его заливают море или проливные дожди в августе и сентябре⁴.

В эпоху работорговли весьма важной частью побережья считались города Старый и Новый Калабар, река Бонни. Так как города граничили с обширными областями внутри континента, они вели работорговлю в больших объемах. В Новом Калабаре было много москитов, поэтому корабли обычно становились на якорь у Фоко-Пуана. Живущие здесь чернокожие из-за частого общения с европейцами более цивилизованны, чем в других местах побережья, и порой на реке Бонни одновременно стояли полдюжины судов. В течение долгого времени занимавшиеся работорговлей англичане, французы и голландцы вывозили отсюда ежегодно от 12 до 15 тысяч рабов, доставленных по рекам из далеких африканских городов. Среди рабов были военнопленные, жертвы похищений в результате рейдов вооруженных банд, проданные в

⁴ Новая лоция к побережью Африки. Лондон, 1799.

рабство за совершенные преступления, отправленные в неволю родственниками из-за нужды или ставшие невольниками за долги, что случалось нечасто.

Чернокожие работорговцы Калабара и Бонни спускались со своими рабами по рекам раз в две недели. Одновременно по реке Бонни двигались по двадцать – тридцать и более каноэ, в каждом из которых помещались двадцать– тридцать рабов. Руки некоторых мужчин стягивали травяной веревкой, а особенно сильных из них связывали также поверх колен. В таком состоянии невольников бросали на дно каноэ, часто залитые водой, где они лежали почти без движений. При высадке их гнали в загоны работорговцев, где кормили, натирали пальмовым маслом и готовили для продажи. Очевидец вспоминал:

«Река Бонни величественный поток, широкий и глубокий. Она шире Темзы при впадении в море. Течет по низменности среди высоких кокосовых деревьев, пальм, сосен, подорожников и банановых деревьев. На севере – королевство Бенин, на юге – Бонни, оба королевства независимы друг от друга. К северо-западу отсюда в отдалении виден Новый Калабар. Здесь производится (или добывается) много пальмового вина, потому что для этого достаточно вечером сделать надрез на верхушке дерева, повесить под ним тыкву-горлянку, и утром она будет наполнена. Жидкость беловатого цвета и по вкусу напоминает сидр.

Рабы питаются дважды в день. Еда утром состоит из вареного ямса, после полудня – из конских бобов, сдобренных соусом. Он готовится из кусков старой ирландской говядины и тухлой соленой рыбы, тушенных клочками и сильно приправленных кайенским перцем. Негры так любят это, что выбирают мелкие кусочки тушеной смеси и делятся ими. Но конские бобы они не любят.

Бренди, который мы привезли с собой для торговли, был очень хорошего качества, но черномазые считали, что он недостаточно крепок и «не кусается», как они выражаются. Поэтому мы из каждой бочки выкачивали треть бренди, затем сыпали в нее полведра кайенского перца, добавляли воды, и в течение нескольких дней напиток становился достаточно крепким для самого черного дьявола. Когда чернокожие приходили пробовать его, полагая, что это бренди из другой бочки, то говорили: «Вот, это кусается»⁵.

В некоторых из нижеследующих глав будут представлены подробные описания торговли в Калабаре и Бонни, обеспечения рабов провизией и событий, происходивших во время вояжа в Вест-Индии.

Примерно в 35 лигах к востоку от реки Бонни располагается Старый Калабар, где раньше корабли спешили к большим деревьям на берегу реки и выторговывали провизию и рабов. Здесь очень нездоровый климат, и, поскольку торговля шла очень медленно, со временем этого места стали избегать.

Примерно в 10 лигах далее к востоку находится Рио-дель-Рей, который раньше поставлял много рабов и прекрасные, крупные бивни слонов. Но здесь не было пресной воды, за исключением той, что чернокожие собирают на крышах домов, когда идут дожди, а реку окутывает плотный туман. Старый английский лоцман писал об этой реке: «Здесь европеец должен заботиться о себе, потому что местные жители столь изощренно лукавы, что вас обманут раньше, чем вы осознаете это. Они столь варварски жестоки, что родители продают детей, мужа – жен, братья и сестры – друг друга. Среди животных крайне редки приличие и порядок. Это замечание относится к прошлому столетию, и мы не считаем, что аборигены изменились, по крайней мере с того времени»⁶.

К югу от реки Рио-дель-Рей лежит страна камерунцев – высоких, сильных людей, которые ведут торговлю с европейцами. Река Габон представляет собой удобное место для тор-

---

⁵ Richardson W. A Mariner of England. London, 1908.

⁶ New Sailing Directions for the Coast of Africa. London, 1799.

говли, а также очистки и переоснащения судов. Лоанго – крупное, богатое королевство, жители которого знакомы с работой по металлу и более цивилизованны, чем соседи к северу от них. Наконец, большой бассейн реки Конго, где прежде торговлю контролировали в основном португальцы.

Великобритания поставила работорговлю вне закона в 1807 году, Дания – в 1812-м, Голландия – в 1814-м, Франция – в 1818-м, Испания – в 1820 году, после получения от Великобритании субсидии объемом 400 тысяч фунтов стерлингов (однако запрет оказался фарсом, по крайней мере в том, как ее соблюдали испанцы). Португалия также получила субсидию от англичан в 1830 году, но фактически экспорт рабов из португальской Африки не прекращался до отмены Бразилией рабства в 1888 году. Продажа рабов из Западной Африки на Кубу и в Порто-Рико сдерживалась лишь благодаря бдительному дежурству британских и французских военных кораблей. Юг Соединенных Штатов был кровно заинтересован в работорговле, но запрет на торговлю живым товаром с африканским побережьем был введен в 1807 году.

Для усиления борьбы против работорговли Великобритания отправила свои военные корабли к побережью Западной Африки, а позднее, когда были заключены соглашения с другими государствами, морская блокада значительно уменьшила поток негров, вывозившихся за море.

В 1820 году Соединенные Штаты послали к африканскому побережью три военных корабля в помощь борьбе с работорговлей, однако сумма 100 тысяч фунтов стерлингов, выделенная конгрессом в 1819 году под соответствующий законопроект, была сокращена до 50 тысяч фунтов в 1823 году, а вскоре и до нескольких бесполезных тысяч.

В 1842 году Соединенные Штаты, по Ашбертонскому договору с Великобританией, взяли на себя обязательство содержать «достаточные и адекватные» морские силы для пресечения работорговли у африканского побережья. После этого там стала патрулировать небольшая американская военная эскадра.

Блокирующим флотам требовалось закрыть длинную береговую линию. Хорошо известные фактории работорговли уничтожались одна за другой, невольничий флот сокращался. Характер береговой линии Гвинейского залива позволил быстро освободить ее от работорговцев и препятствовать использованию для работорговли испанских поселений на побережье Камеруна или вне его. Куба и Бразилия, страны-работорговцы XIX столетия, утвердились на Рио-Понго, ничейной земле на северо-западе Сьерра-Леоне. Из Мандинго и стран Верхнего Нигера приходили работорговцы-фульбе. Соседние реки и острова Португальской Гвинеи также подпитывали аналогичную работорговлю, и прошло некоторое время, прежде чем совместной операцией британских и французских канонерских лодок были уничтожены загоны для рабов в Рио-Понго и Бобаме.

Затем кубинские корабли пробились к восточному берегу колонии Сьерра-Леоне, к лагуне Галлинас и реке Сулиме⁷, вдоль не востребовавшего Хлебного Берега, теперь Либерии. С 1822 по 1839 год из одной этой местности в среднем вывезли пять тысяч рабов на Кубу, в Порто-Рико, Южную Каролину, Джорджию и Бразилию. Житель Малаги Педро Бланко загорелся идеей создания здесь фактории работорговли, его главным помощником стал Теодор Кано, французский моряк⁸. Бланко жил рядом с лагуной Галлинас, имея большой гарем. Его окружала роскошь, которую можно было купить за деньги в Европе или Америке. Его проекты быстро осуществлялись как на Кубе, в Лондоне или Париже, так и на побережье Западной Африки. Он использовал большое количество негров в качестве платных наблюдателей или шпионов, которые из сотен укрытий на пляже и на островах лагуны следили за появлением на горизонте британских военных кораблей, подавая сигналы для предотвращения захватов

---

⁷ Johnston. The Negro in the New World. New York, 1910.

⁸ Mayer. Captain Canot, or Twenty Years on African Slaver. New York, 1854.

отходящих или приходящих невольничьих судов. В 1839 году Бланко, владея капиталом почти в миллион фунтов стерлингов, оставил работорговлю и почил наконец в благоденствии на Итальянской Ривьере.

Рабовладельческие фактории на побережье Сьерра-Леоне и Либерии были уничтожены около 1847 года, но контрабанда рабов с континентальных пунктов посредством налаженных связей, хотя и не в столь большом объеме, как прежде, продолжалась еще долго. Погрузка негров с континента скрытно осуществлялась на побережье в условленных местах: в назначенный день или вскоре после него у пляжа появлялось невольничье судно и подавало условленный сигнал, негров немедленно гнали к берегу и погружали на каное и корабельные шлюпки, и через четыре часа далекий парус на горизонте оставался единственным видимым напоминанием о новой торговой сделке.

Патрульные суда бдительно следили за побережьем, но торговцы рабами тоже были весьма активны, ибо прибыль была огромной. Так, в 1858 году житель Саванны в Джорджии предложил совершить поездку к побережью Африки за «грузом африканских подмастерьев на срок их естественных жизней». Он оценил стоимость предприятия в 300 тысяч долларов, а чистую прибыль в 480 тысяч без учета уже оплаченной стоимости судна. В течение же 1859 года, согласно ежегодному отчету морского министра Соединенных Штатов, одиннадцать работорговцев были перехвачены американскими военными кораблями.

Глава 2

СЭР ДЖОН ХОКИНС, РАБОТОРГОВЕЦ

Первым англичанином, занявшимся торговлей рабами между гвинейским побережьем и Америкой, был капитан Джон Хокинс, младший сын капитана Уильяма Хокинса из Плимута, который в 1530 году торговал на побережье Бразилии «на собственном высоком и красивом корабле». Хокинс-младший родился в 1532 году и последовал за отцом в море. Он совершил несколько поездок на Канарские острова, где основал торговое предприятие с испанским купцом Педро де Понте из Тенерифе. Тот предложил англичанину заняться торговлей рабами-неграми, которых следовало добыть на побережье Гвинейского залива и продать владельцам сахарных плантаций в Испанской Вест-Индии. Между морскими ходками Хокинс узнал от отца и других людей об условиях такой торговли, но главным источником информации для него стали купцы на Канарах. Он убедился, что негры пользовались большим спросом в Эспаньоле (Гаити) и их легко можно было достать на побережье Африки. И как только Педро де Понте согласился обеспечить лоцмана, знакомого с Испанской Америкой и состоянием ее торговли, Хокинс наконец решился на предприятие.

Летом 1562 года он вернулся в Лондон после своей последней поездки на Канары и сразу изложил свой проект тестю Бенджамину Гонсону, казначею адмиралтейства. Тот счел проект настолько хорошим, что заинтересовал им Томаса Лоджа, хозяина Русской компании и члена руководства Бакалейной компании, олдермена Лионеля Дакета, предприимчивого купца, который впоследствии стал лорд-мэром Лондона, а также сэра Уильяма Винтера и других, ставших «щедрыми вкладчиками и смелыми предпринимателями»⁹. Эти люди были предпринимателями в прямом смысле этого слова, ибо ни одно английское судно еще не совершало коммерческих рейсов в Новый Свет, где царила Испания. Каждый благоразумный англичанин понимал опасность, исходившую от этой могущественной державы в случае осуществления такого вояжа.

За сорок пять лет до этой даты испанский король Карл V официально выдал лицензию на импорт чернокожих рабов в Вест-Индию. В 1551 году испанские власти предложили 17 тысяч лицензий на такой вывоз из Африки. Двумя годами позже была установлена монополия на торговлю африканскими рабами на семь лет, предусматривавшая импорт 23 тысяч негров. Именно эту монополию предложил разрушить капитан Хокинс, поэтому участниками его предприятия могли стать только отважные люди.

Осенью 1562 года были оснащены три «частных» корабля – «Соломон» водоизмещением 120 тонн, «Сваллоу» («Ласточка») – 100 тонн и «Йонас» – барк, имеющий всего 40 тонн водоизмещения. Экипажи судов состояли из менее ста человек «из-за опасений» болезней и других «неудобств, которым люди обычно подвергаются во время длительного плавания». С грузом английских товаров на борту маленький флот отбыл в октябре 1562 года и взял курс на остров Тенерифе, где капитан Хокинс «встретил теплый прием» сеньора де Понте и его друзей. Далее известно:

«Оттуда он совершил переход к Сьерра-Леоне на побережье Гвинейского залива. Это место зовется местными жителями Татарин. Здесь он оставался довольно продолжительное время и приобрел, частью мечом, а частью другими средствами, негров числом по крайней мере в 300 человек, кроме других товаров, которые производит эта страна. Помолвившись, он отправился через океан к острову Эспаньола и сначала зашел в порт Изабелла. Там он реализовал по разумной цене свои английские товары, как и некоторую часть негров, доверяя испан-

---

⁹ *Hakluyt. The principal Navigations, Voyages and Discoveries made by the English Nation. London, 1589.*

цам не больше, чем собственной силе, которой он мог держать их в подчинении. Из порта Изабелла он совершил переход в Порте-де-Плата, где осуществил аналогичные торговые сделки, не теряя бдительности. Оттуда он отбыл в Монте-Кристи¹⁰, другой порт на северном побережье Эспаньолы, и последнее место его посещения, где он торговал в мирной обстановке и продал всех негров. За них он приобрел в этих трех портах посредством обмена такое количество товаров, что не только загрузил три своих корабля шкурами, имбирем, сахаром и некоторым количеством жемчуга, но также зафрахтовал два других блокшива со шкурами и иными подобными товарами, которые он отправил в Испанию. Покинув таким образом остров, он вернулся в открытый океан, пройдя мимо островов Кайкос (к северу от Санта-Доминго), не заходя в Мексиканский залив. В сентябре 1563 года он вернулся домой, закончив свой первый вояж в Вест-Индию с большим успехом и добычей для себя и вышеупомянутых смелых предпринимателей¹¹.

Пытаясь разместить часть своих товаров в Испании, Хокинс проявил почти невероятную самоуверенность. Он полагался на старые коммерческие соглашения между двумя странами, но, когда его помощник прибыл в Кадис, грузы немедленно конфисковали, и половина прибыли была, таким образом, потеряна. Более того, испанские власти направили в Вест-Индию приказ, запрещающий всякую будущую торговлю с британскими судами.

Успех первого вояжа капитана Хокинса за рабами оказался столь значительным, что он не встретил никаких затруднений в приобретении мощной поддержки своему второму контрабандному предприятию. Акционером последнего стала даже королева Англии Елизавета. Она кредитовала экспедицию «Иисуса Любека», корабля водоизмещением 700 тонн, закупленного для британского флота Генрихом VIII у ганзейских купцов города Любека. О вкладе Елизаветы в предприятие можно судить по тому, что стоимость «Иисуса» оценивалась в 4000 фунтов стерлингов (сегодня это примерно 40 тысяч фунтов стерлингов).

Невольничий флот состоял из четырех кораблей: «Иисуса» водоизмещением 700 тонн, «Соломона» – 140 тонн, барки «Тайгер» – 50 тонн и пинасы «Сваллоу» – 30 тонн. Суда оснастили вооружением и провизией, их общий экипаж составил 170 человек. 18 октября 1564 года корабли отбыли из Плимута курсом на Тенерифе за ценными сведениями, которые мог предоставить только сеньор де Понте.

Экспедиция руководствовалась следующими приказами:

«Малым кораблям следует идти впереди и с наветренной стороны от «Иисуса», связываться с «Иисусом» по меньшей мере дважды в день.

Если днем на корме «Иисуса» поднят флаг или ночью горят два огня, тогда все остальные суда сносятся с ним.

Если на борту «Иисуса» горят три огня, это означает, что корабль меняет курс.

В штормовую погоду, когда малые корабли не в состоянии сопровождать «Иисуса», тогда всем следует сопровождать «Соломона» и немедленно отправляться к острову Тенерифе, севернее дороги на Сирроэс.

Если случится беда, следует зажечь два огня и сделать пушечный выстрел.

Если какой-нибудь корабль потерялся и снова обнаружил эскадру, необходимо трижды изменить курс и спустить три раза бизань-парус.

Трижды совершать молитвы, любить друг друга, экономить продукты, заботиться о противопожарной безопасности, держаться в составе эскадры».

Через три дня в море поднялся сильный шторм, продолжавшийся день и ночь, так что маленькая эскадра распалась и ей потребовался ремонт. Хокинс взял курс на порт Феррол на испанском побережье. Во время нахождения эскадры в порту туда прибыла бриган-

¹⁰ Изабелла, Порт-Плата и Монте-Кристи – порты на северном побережье Эспаньолы, или Санта-Доминго.

¹¹ Hakluyt. The principal Navigations, Voyages and Discoveries made by the English Nation. London, 1589.

тина «Миньон», принадлежавшая королеве Елизавете, с известием о несчастье, постигшем несколько дней ранее корабль сопровождения «Мерлин» из Лондона: «Из-за недосмотра одного из артиллеристов в пороховом погребе судна возник пожар. Первый же взрыв снес его корму, погибли три матроса, многие получили сильные ожоги. Их спасла бригантина, шедшая в кильватере. И вскоре судно потонуло на глазах очевидцев, наблюдавших ужасное зрелище, к великому огорчению его владельцев».

В начале ноября эскадра капитана Хокинса достигла Тенерифе и стала на якорь в порту Адесия. Капитан спустил корабельную шлюпку и отправился на берег, предложив оповестить о своем прибытии сеньора де Понте, который жил в 200 лигах дальше, в Санта-Круссе. С приближением шлюпки к берегу там неожиданно появился отряд численностью около восьмидесяти человек, вооруженных аркебузами, алебардами, копьями, мечами и щитами, чтобы воспрепятствовать высадке Хокинса. Капитан крикнул, что является другом сеньора де Понте, которому хочет послать письмо, и командир отряда «велел солдатам отойти в сторону». Через два дня прибыл сам сеньор и «так тепло его принял, будто капитан был его собственным братом».

В начале декабря корабли эскадры после ряда приключений достигли острова Алькатрас у африканского побережья к югу от реки Гамбии. Однажды во время следования вдоль побережья при сильном ветре проходившая рядом с «Иисусом» шлюпка с двумя матросами из-за небрежности гребцов перевернулась и очень быстро исчезла из вида. Надежды на спасение уже не было. Но капитан Хокинс, «определив положение шлюпки по отношению к солнцу, посадил двадцать четыре самых сильных гребца в большую лодку, чтобы те гребли по ветру. Они спасли матросов, сидевших на киле перевернутой лодки, вопреки ожиданиям всех».

Пока стояли на якорной стоянке на острове Алькатрас, две барки отошли к другому острову и высадили восемьдесят вооруженных человек для захвата рабов. Но негры были начеку и бежали в джунгли, «прыгая и размахивая хвостами, что было странно и утомительно видеть», писал Джон Спарк, джентльмен-предприниматель, который сопровождал Хокинса в вояже.

Поскольку люди Хокинса не смогли обнаружить поселения, где проживали эти негры, капитан продолжил следовать в южном направлении и через три дня, 12 декабря 1564 года, подошел к якорной стоянке на острове Самбула. Там проживали негры племени сапи. Тремя годами ранее их покорили замбо (современные самбо), племя, жившее за пределами Сьерра-Леоне. Матросы эскадры каждый день сходили на берег для поимки негров, сжигая и грабя их поселения. Было захвачено много чернокожих, хотя среди них не оказалось представителей племени самбо – при первых признаках опасности они бежали в глубь континента.

На пляже обнаружили около пятидесяти каноэ – челноков, выдолбленных из бревен, длиной в двадцать четыре фута и три фута шириной, с бикхедом и вырезанными бортами, окрашенными в красный и голубой цвета. Челноки могли перевозить двадцать – тридцать человек, гребцы стояли в полный рост. Спарк утверждает, что четыре гребца и рулевой в одном из каноэ были способны совершать ту же работу, что и два весла ялика в лондонской Темзе.

К 21 декабря рейдерские отряды выловили всех негров, которых смогли найти, а также доставили на суда столько фруктов, риса и другого продовольствия, сколько помещалось. В тот же день эскадра взяла курс на реку Калловса, там, примерно в 20 лигах от моря, проживали португальцы. Хокинс оставил два судна у устья реки и, поднявшись на остальных вверх по реке, торговал с португальцами. Через три дня он двинулся в обратный путь с двумя каравеллами, груженными неграми.

Однако во время движения вниз по реке его подстерегла неудача. Португальцы рассказали ему о негритянском поселении Бимба, расположенном близ берега реки, где имелось много золота и проживали всего лишь сорок мужчин и сотня женщин и детей. Капитан Хокинс и его люди, бывшие в эйфории от достигнутых успехов, предвкушали легкую добычу в виде дополнительной сотни рабов, не говоря уже о золоте. В указанном месте в сопровождении португальских проводников высадились сорок вооруженных матросов. Участникам рейда было

приказано держаться вместе для взаимной защиты и совместного нападения, но, достигнув негритянской деревни, каждый из них неистово бросился искать золото. Во время разграбления домов на них напали около двух сотен негров. Многие из людей Хокинса были ранены, их в полном смятении отбросили к лодкам в реке, где несколько человек утонули, а других поглотил глубокий вязкий ил.

«Так мы вернулись назад, – пишет Спарк, – несколько обескураженные. Хотя капитан в единственно мудрой манере, с весьма приветливым внешне видом, вел себя так, словно придавал мало значения как гибели своих людей, так и увечьям других, несмотря на то что его сердце в это время разрывалось от горя. Он пришел к выводу, что португальцы, сопровождавшие его, не должны ему противиться или пользоваться случаем доставлять ему новые неприятности и чинить препятствия из-за гибели наших людей. Мы расстались, получив десять негров и потеряв семь лучших членов нашего экипажа, одним из которых был господин Филд, капитан «Соломона». Двадцать семь человек экипажей были ранены».

Барки и каравеллы встретились с кораблями у устья реки 28 декабря, а через два дня эскадра направилась в Татарин, расположенный на другом берегу реки, где сейчас стоит Фритаун, столица Сьерра-Леоне. Там в 1791 году англичанами была основана колония рабов, получивших свободу. Отсюда две барки и лодки вошли в реку под названием Кассероэс и забрали негров. «Сваллоу» также поднялся вверх по реке «для торговли, где экипаж увидел большие поселения негров и каноэ, по три человека в каждом. Там матросы много узнали о португальских неграх, о крупных сражениях между неграми Сьерра-Леоне и Татарина. Те, из Сьерра-Леоне, изготовили 300 каноэ, чтобы совершить нападение на других. Время нападения было назначено за шесть дней до нашего отбытия оттуда. Мы могли бы по своему усмотрению поддержать одну из сторон, если бы не болезни и гибель наших людей из-за нездорового характера местности. Это заставило нас поспешить ее покинуть».

Пребывая здесь, корабли испытывали большие затруднения со снабжением водой. Вскоре после того, как они стали на якорь, на берег вынесли пустые бочки для воды и наполнили их для отстоя, намереваясь впоследствии заполнить свежей водой. Пока матросы находились на берегу, некоторые в лодках, они подверглись нападению негров, и несколько человек получили ранения. Кроме того, черные сбили обручи с двенадцати бочек, что стало для англичан большой потерей, учитывая большую потребность экипажей в воде во время перехода в Вест-Индию. Опять же, как раз перед отбытием, несколько матросов «Соломона» отправились ночью на берег наполнить водой бочки. Когда они приготовились прыгнуть на землю, то заметили негра, стоящего на скале, а за ним – еще девять-десять, которые быстро исчезли среди скал. Это напугало матросов, и они сразу вернулись на корабль. На следующий день англичане узнали от португальцев, что король Сьерра-Леоне задумал схватить несколько матросов. «Но Господь, устраивающий все к лучшему, не допустил этого, и по Его милости мы избежали опасности, да будет помянуто Его имя в молитве», – писал впоследствии Джон Спарк.

19 января 1565 года невольничья эскадра взяла курс на Вест-Индию. Во время перехода штиль продолжался двадцать восемь дней, не говоря уже о встречных ветрах и одного-двух торнадо. Так как запасы свежей воды были невелики, англичане и негры получали ее в недостаточном количестве, «и это более всего вселило в нас такой страх, что мы не надеялись добраться до Индии без больших потерь среди негров и нас самих. Но Всемогущий Бог, который никогда не уклоняется от помощи обреченным на гибель, послал нам 16 февраля нормальный бриз, северо-западный ветер, не покидавший нас до острова каннибалов, называемого Санта-Доминика, куда мы прибыли 9 марта». Они добрались до незаселенной части острова, где не могли найти свежей воды, кроме скопившейся лужей в долине дождевой воды, «которой мы запаслись для наших негров».

Через неделю достигли острова Маргарита у побережья Венесуэлы, где добились от алькальда поставок мяса и других продуктов. Но испанский губернатор не захотел иметь с англи-

чанами дело и послал к вице-королю каравеллу с известием об их прибытии. В ответном послании предписывался запрет на всякую торговлю, и вскоре все жители города, включая губернатора, покинули свои дома и бежали в горы. Эскадра пополнила запасы и с грузом черных рабов на борту и взяла курс на Куману в испанских владениях. Здесь мореплаватели обнаружили вновь прибывших солдат и поняли, что негров продать невозможно. «Чудное, благодатное место с обилием воды» было обнаружено в двух лигах от Куманы, где в море впадала пресная вода и где черноволосые безбородые индейцы прибыли на корабли с пирогами, испеченными из «своеобразного зерна, называемого маис, величиной с горошину. Початок его очень похож на ворсянку, но гораздо более длинный, и на нем много зерен». Индейцы принесли также кур, картофель и ананасы, за которые выторговывали бусы, оловянную посуду, свистки, очки, ножи и прочие мелочи.

28 марта 1565 года эскадра снова отправилась в путь и прошла на следующий день мимо острова Тортуга. Через два дня капитан Хокинс, проходя близ побережья на шлюпке с «Иисуса», заметил на берегу много карибов. Приблизившись, чтобы поторговать с ними, он едва избежал плена, «так было угодно Богу». 3 апреля капитан достиг Бурбороаты, близ нынешнего города Ла-Гуайры в Венесуэле. Здесь благодаря демонстрации силы и ловкому обману ему позволили завести корабли в бухту, а также получить от испанских властей лицензию на продажу тридцати «худых и больных негров, которых он скорее убил бы на корабле собственными руками, не имея возможности привести их в здоровое состояние».

Торговля неграми проходила медленно. Испанцы утверждали, что запрашиваемая цена слишком высока. Хокинс «показал свои записи о том, сколько заплатил за негров, сказал, что понес большие расходы на транспортировке и оплате экипажей». Другая неприятность состояла в пошлине за каждого раба, доходившей до тридцати дукатов (около 66 фунтов стерлингов на современные деньги). Губернатор не уменьшал этой суммы, поэтому Хокинс выпустил коготки. С «сотней матросов, хорошо вооруженных луками, стрелами, аркебузами и копьями, он прошествовал по городу. Узнав об этом, губернатор спешно прислал курьеров, чтобы выяснить требования капитана». Когда ему сообщили, что 7 процентов пошлины будет достаточно и, если условия не будут приняты, Хокинс и его люди «будут недовольны», губернатор вскоре дал ответ, что «все будет сделано к удовлетворению капитана».

Во время стоянки английской эскадры сюда прибыл с побережья Гвинейского залива французский невольничий корабль «Зеленый дракон» с портом приписки в Гавре под командованием капитана Бонтама. Французы сообщили о своем изгнании португальскими галерами до того, как завершили погрузку рабов. Они рассказали также, что в плен попали капитан Давид Карле вместе со своим суперкарго и десятком матросов, а также о других несчастьях, гибели людей, острой нехватке пресной воды, «что было особенно горестно для нас осознавать», – пишет господин Спарк.

6 мая добрались до Кюрасао, где возникли затруднения с поисками якорной стоянки. Здесь англичане выторговывали шкуры «и лакомились говядиной, бараниной и телятиной». Мяса было так много, что, когда продавцы приносили шкуры, плоть им отдавали обратно, так как «на корабле презирали не только баранину, но и сырую телятину, потребление которых без обжарки считалось недостойным».

В Рио-Хач, расположенный сейчас на побережье Колумбии, зашли 19 мая. И на запрет испанских властей торговать Хокинс дал такой ответ: «Учитывая, что это решение подали ему на ужин, утром он приготовит для них такой же завтрак». Утром он произвел выстрел из всех кулеврин, чтобы взбудоражить город, и направился туда с сотней вооруженных людей. В его большой лодке установили два медных фалькона (легкие пушки), а на носу остальных лодок – маленькие пушки, которые называют двухосновными. Испанцы вывели на берег тридцать всадников и около полторы сотни пеших солдат, «издававших воинственные крики», но залп двух фальконов «навел на них немалый страх», так что «они нарушили боевой порядок и попадали

плашмя на землю», а затем «рассеялись». Хокинс высадил отряд и начал марш на город. Это сильно напугало испанского казначея, который удовлетворил все требования, и «мы, таким образом, спокойно торговали», – продолжает рассказчик.

Став на якорь в реке, они заметили много крокодилов, один из которых утащил негра, наполнявшего водой бочки на берегу реки. «Природа крокодила такова, – пояснял Спарк, – что он будет умолять, плакать и рыдать, как христианин, чтобы к нему подошли, а затем схватит обманутого. Поэтому существует пословица, относимая к женщинам, когда они плачут крокодиловыми слезами. Ее смысл заключается в том, что крокодил когда плачет, то главным образом для того, чтобы обмануть. Так обычно поступает женщина, когда плачет».

Реализовав весь свой груз негров, капитан Хокинс отправился 31 мая на остров Ямайка, чтобы предложить там на продажу свой груз шкур, но, спутав остров с Эспаньолой, прошел мимо него с подветренной стороны и не смог вернуться из-за мощного течения. Поэтому маленькая эскадра направилась в Санта-Крус на острове Куба, по достижении которого снова промахнулась и осталась, таким образом, без значительной прибыли, которую сулила продажа большого запаса шкур. Тогда же во время штормов и встречных ветров начало не хватать пресной воды. 16 июня они прибыли на остров Пинес, где «заправились, насколько возможно, водой» из солоноватых дождевых луж, которые нашли близ берега, и поспешили покинуть незащищенную стоянку. Едва выбрали якоря и поставили фоковые паруса, как налетел шторм, и одна из барок была вынуждена обрезать якорный канат у клюза, чтобы спастись.

Пройдя мыс Сан-Антонио на западной оконечности Кубы, они двинулись дальше на запад, чтобы «поймать ветер», а также воспользоваться течением, которое вынесло их 5 июля на траверз острова Драй-Тортугас, где загрузили шлюпку птицей и поймали много черепах. Было найдено также много черепашьих яиц, которые «ели с большим удовольствием». Затем они попытались пройти к Гаванской бухте, но не заметили ее ночью. Запасы воды настолько истощились, что «каждый член экипажа довольствовался минимумом». Взяв курс на побережье Флориды, эскадра, увлекаемая Гольфстримом, быстро дрейфовала на север и после одной-двух поломок вышла к реке Мэй, ныне Сент-Джонс, где тремя годами ранее была основана колония гугенотов. Капитан Хокинс нашел поселение в плачевном состоянии и с продовольствием на исходе. Он продал гугенотам двадцать баррелей еды, четыре бочки бобов и другие необходимые товары, а также барку водоизмещением 50 тонн, за что выручил семьсот крон.

Обратный путь домой начался 28 июля 1565 года. Его так продлили встречные ветры, что продовольствие истощилось до предела. 23 августа эскадра капитана Хокинса подошла к берегам Ньюфаундленда, на сто тридцать сажень. Здесь поймали много трески, что взбодрило команды. Через неделю поговорили с двумя французскими рыбаками и обменяли на испанское золото и серебро большое количество рыбы, «те же, не ожидавшие никакого вознаграждения, были рады встретить в море такой приятный сюрприз, который мы им предоставили. После расставания с рыбаками при сильном попутном ветре мы прибыли 29 сентября в Пэдстоу в Корнуолле. Слава богу, в безопасности, потеряв за все время вояжа 29 человек, с большой выгодой для всех предпринимателей, как и для всего королевства. Мы привезли домой большой запас золота, серебра, алмазов, других драгоценных камней. Его имя будет прославлено навеки. Аминь».

Глава 3

ОТПРАВЛЕНИЕ ИЗ ЛОНДОНА КОРАБЛЯ «ГАННИБАЛ» В 1693 ГОДУ

«К моему и многих других несчастью, эта последняя война с Францией случилась во время моего вояжа домой из Венеции и Занте, на борту «Уильяма» водоизмещением 200 тонн и двадцатью орудиями. Нас настигли три больших французских корабля, имеющие по семьдесят орудий каждый, на мелководье, в шестидесяти лигах к юго-западу от мыса Клеар в Ирландии. Силы были слишком неравные, а надежды на спасение никакой, поэтому я счел благоразумным сдаться без сопротивления. Гибель или увечья моих людей не имели смысла. Экипаж каждого французского корабля насчитывал пятьсот человек. У меня было всего тридцать. Поэтому я был вынужден позволить силе победить право и подчиниться требованию «Кроны», выраженному в залпе семидесяти медных пушек поперек нашего носового дейдвуда. «Крона» первой поравнялась с нами, чтобы спустить наш флаг и взять свой приз¹².

По возвращении в Англию я был безработным некоторое время, пока сэр Джефри Джефрис, имевший рыцарское звание, из чрезвычайного великодушия и доброй воли в отношении меня, из понимания того, что корабль «Ганнибал» водоизмещением 450 тонн при тридцати шести орудиях выставлен на продажу, приказал мне купить его. Приняв это решение, он любезно выложил деньги на покупку из своего кармана. Затем, из деловых соображений, сделал вместе со мной совладельцами корабля своего бесценного брата Джона Джефриса, эсквайра, Самюэля Стэннера, эсквайра, далее заместителя управляющего Африканской компанией и некоторых других именитых торговых людей. После этого он рекомендовал меня и корабль английской Королевской Африканской компании, которая и приняла меня. Поступив на службу, предусматривавшую торговый вояж в Гвинею за бивнями слонов, золотом и чернокожими рабами, я также взял на борт корабля необходимые грузы, посредством которых следовало приобретать колониальные товары и снабжать торговые предприятия, склады в крепостях и факториях компании. Завершив дела в Лондоне, 5 сентября 1693 года пассажирским судном я добрался до Грейвсенда и около одиннадцати вечера вступил на борт «Ганнибала», имея при себе деньги для оплаты моих людей за проход по реке и выдачи месячного аванса, по договоренности.

Воскресным утром 10 сентября нас сорвало с якоря в Грейвсенде и отнесло отливом к переднему краю Хоупа, где мы зацепились якорем, а вечером я отправился в Грейвсенд.

12 сентября, вторник. Этим утром, около трех часов, мы вышли под парусами на запад при штормовом ветре. В девять часов прошли Нор, где дрейфовали до часу ночи, ожидая заправки пресной водой. Затем, спускаясь по ветру к Ред-Сэндз, около четырех мы прошли узкий пролив, а в шесть бросили якорь у Северного Форленда, на глубине девять фатомов.

13 сентября, среда. В четыре утра подняли якоря при северо-западном ветре и, сменив несколько галсов, около одиннадцати подошли к якорной стоянке у Даунса на глубине восемь фатомов. В Даунсе до 25 сентября нас задержали штормовая погода и встречные ветры, когда ветер сменился на северный. Мы выбрали якоря и около семи вечера подняли паруса, а в полдень следующего дня увидели остров Уайт в северо-западном направлении. Мы подняли якоря, удалили два орудия, вывалившиеся до середины в бортовые отверстия капитанской каюты, и наш корабль был готов к выходу в открытое море.

---

¹² Это раннее повествование о рейсе невольничьего корабля было извлечено из «Журнала» капитана Томаса Филлипса, напечатанного в «Коллекции вояжей» Черчилля (Лондон, 1746. Т. 6).

27 сентября, пятница. Со вчерашнего полудня до двенадцати часов этого дня мы пользовались штормовым топсельным ветром, менявшимся с севера на северо-восток, держа курс на запад. Вчера с четырех вечера прошли 112-й градус западной долготы, исходя из самого точного подсчета, который я мог сделать, ибо ночью лопнул канат лага, мы потеряли его и были вынуждены определять местоположение навскидку. По оба борта видели много кораблей, но ни с кем не общались, кроме одного португальца водоизмещением 200 тонн. Он шел из Опорто в Лондон с грузом вина, часть которого нам очень хотелось выторговать у него. Но слишком сильный ветер и приближение ночи заставили нас умерить свои желания, поэтому мы просто попрощались с ним. Он продолжил путь своим курсом, мы – своим. Расправили канаты, укрепили рубки досками, определили каждому члену экипажа свое место на случай битвы с врагом. Экипаж корабля составлял 70 человек, на его борту было 33 представлявших Королевскую Африканскую компанию пассажира, ехавшие в гвинейские фактории, так что в целом насчитывалось 103 человека.

1 октября, среда. В три утра помощник, ведущий наблюдение, пришел доложить об обнаружении четырех неизвестных кораблей с огнями, идущих на нас с наветренной стороны. Выйдя на палубу, я увидел один огонь стоящим без движения, как и мы. В связи с чем были открыты амбразуры для орудий, убраны ящики и койки, всем приказали занять свои места и приготовиться к бою. Около одиннадцати часов в ясный день все было приведено в порядок и готово для сражения. Как раз в это время я увидел четкие изображения стоявших напротив четырех больших кораблей с поднятыми парусами. Уверен, что это были военные шестидесяти-семидесятипушечные корабли, подошедшие так близко, что я рассмотрел их в бинокль, хотя не смог определить национальную принадлежность. Мы имели веские основания считать, что это французы, так как наши фрегаты редко или почти никогда не заходили так далеко на юг и запад. Корабли выстроились в линию подле нас во всем своем парусном вооружении. Я подал сигнал, подняв и спустив наш флаг четыре раза, уведомляя капитана Шерли о наших новых компаньонах с поднятыми парусами и об их желании переговорить с ним. Его корабль находился впереди меня, примерно в миле с подветренной стороны, и был единственным оставшимся рядом из всей нашей эскадры, остальные корабли мы потеряли прошлой и позапрошлой ночью. Когда поравнялись, ветер заревел так громко, что мы не слышали друг друга, хотя пользовались рупорами, поэтому пришлось общаться знаками, из которых я понял, что он согласен с моим мнением. Неприятельских кораблей оказалось слишком много, чтобы выдержать атаку. Один к двум дает шансы только в футболе. У нас были торговые корабли с глубокой осадкой, у них – фрегаты, строившиеся и оснащавшиеся для войны. Но мы могли воспользоваться попутным ветром и попытаться, меняя курс, оторваться от них. С юга дул очень сильный ветер, погода была пасмурной, ненастной, склонной к ухудшению, но я не жалел об этом, поскольку искренне верил, что она поможет нам уйти от преследования французов. Поэтому мы подняли гротовые паруса, поставили руль на ветер и понеслись на фоковых и грот-марсовых парусах, вдвое зарифленных, по компасу, вест-норд-вест и норд-вест до девяти часов, потеряв из виду французов, начавших преследовать нас, когда мы воспользовались попутным ветром. В одиннадцать разыгрался сильный шторм, море разбушевалось настолько, что мы потеряли друг друга. Капитан Шерли убрал бизань, я со своими поднятыми фоковыми парусами поступил таким же образом, но в этот момент строп марса-шкот-блока порвался, и, прежде чем мы смогли его взять на гитовы, он под порывом ветра разлетелся на клочки. Нам пришлось спустить рей и выправить его, из-за чего корабль, пострадавший от недостатка парусности, требовал постановки грот-паруса и поменял галс. Как бы то ни было, нам удалось натянуть шкотный угол паруса к корме. При этом мы порвали грот-парус и были вынуждены стащить рей и убрать его. Корабль, перед тем как направление ветра сменилось с северного на западное, понесся с обвисшим пузом фок-паруса. Во время свертывания грот-паруса один из матросов, по имени Джон Сазерн, сорвался с нок-реи и утонул. Я был сильно опечален, но спасти

его было выше человеческих сил. При яростных порывах ветра и бурном море отсутствовали паруса для управления судном.

2 октября, четверг. С двенадцати часов вчерашнего дня до двух ночи мы двигались на север с голыми мачтами и скоростью четыре мили в час. К этому времени поставили и зарифлили новый бизань, приладив его к поднятому и закрепленному рею. Затем отвязали порвавшийся грот-парус, с большим трудом и хлопотами привязали другой, зарифлив и закрепив его. Около четырех часов приладили выступ фок-паруса и подняли бизань-стаксель, чтобы держаться к ветру и по волне. Идти было ужасно трудно. В двенадцать часов прошлой ночи сила шторма стала спадать. Мы поставили грот-парус и до появления дневного света шли под ним и бизанью. Когда корабль немного выправился, к моей великой тревоге и удивлению, обнаружили, что фок-мачта поднялась на три фута выше партнеров на полубаке. Трещины стали очень большими, и пазы разошлись больше дюйма, на что я смотрел с болью в сердце. Поискав, мы обнаружили, что примерно так обстоит дело везде, корабль в этом месте стал непригодным почти до основания. Поэтому я собрал офицеров посоветоваться о том, что можно сделать для исправления этой неожиданно возникшей ситуации. Однако, по их мнению, с такой мачтой продолжать вояж было невозможно и лучшим стало бы возвращение в Плимут, пока мы еще находились недалеко от него. Я счел необходимым подавить эти настроения в корне и заявил, что решил не возвращаться в Англию и продолжить рейс, даже если и придется поставить временную мачту. Затем я велел своим плотникам укрепить мачту, заключив ее в ворот с четырьмя новыми, надежно прибитыми рычагами из хорошего дуба длиной девять дюймов в том месте, где она приподнялась, а потом прикрепил к ней четыре хороших вулинга. Мачта встала прочно, а мы тем временем приближались к области хорошего климата. По поводу мачты больше не было жалоб в течение всего путешествия. Вчера утром, когда, увидев четыре чужих корабля и поспешив на всех парусах поговорить с капитаном Шерли, мы сорвали топ грот-мачты, матросы для прочности связали его с корпусом грот-марса.

18 октября, суббота. Утром обнаружилось, что один из солдат Королевской Африканской компании, направленных для службы в гвинейских крепостях, оказался женщиной под именем Джон Браун. Она была вне подозрений и три месяца на борту пользовалась полным доверием, располагаясь среди других пассажиров и выполняя, как и они, любую работу. Видимо, обман так и остался бы нераскрытым до нашего прибытия в Африку, если бы женщина не заболела. По этому случаю ее навещил наш врач и прописал полоскание рта. Когда пациент приступил к выполнению предписания, врач был удивлен тем, что ему открылось. Он продолжил расспросы и, выяснив ее пол, пришел доложить мне о своем открытии. Из милосердия и уважения к ее полу я приказал выделить ей приватное место, отдельное от мужчин, и выдал портному материал для кройки и шитья женского платья. Хорошенькая брюнетка, лет двадцати, принесла большую пользу в стирке моего белья и другой работе, которой она занималась до тех пор, пока не была доставлена вместе с остальными солдатами в крепость Кейп-Кост.

22 октября, среда. Около четырех утра стало светло, к востоку от нас располагался Тенерифский пик. В это время, находясь у дороги в Оратаву, мы заметили в пространстве между берегом и нашим судном два паруса. В них мы распознали корабль и барку-лонгу. Когда корабль начал движение к нам от берега на всех парусах, мы повернули на другой галс к северу, чтобы выиграть время для приведения своего судна в боевую готовность на тот случай, если перед нами враг. Очень быстро сняли крышки люков, убрали сундуки и гамаки, заняли свои места, привели в готовность орудия и стрелковое оружие. В то же время мы убрали грот-парус и малые паруса, разобрали оружие, приготовили пробки, кранцы, плетенки под бейфуты и, находясь под легким ветром, развернули фок-парус и уменьшили ход до самого малого в отношении неизвестного корабля.

23 октября, четверг. Со вчерашнего полудня до трех часов дул лишь слабый бриз. В это время двигавшийся в нашу сторону корабль, по которому мы произвели неприцельный артил-

лерийский выстрел, оказался длинным элегантным фрегатом. Теперь мы не сомневались, что это был враг, поэтому, подняв свой флаг, мы дали выстрел поперек его носового дейдвуда. После этого фрегат продемонстрировал английский флаг, но, вопреки всем его уловкам, мы знали, кто это был, и готовились оказать ему достойный прием. До четырех мы медленно двигались под боевыми парусами. На расстоянии выстрела из карабина фрегат выдвинул нижний ряд орудий (чего я не ожидал и чему не обрадовался) по девять единиц с каждого борта. Он спустил фальшивый флаг и поднял французское белое полотнище. Я понял, что он хочет вести с нами счеты. Поэтому, выпив стопку и подбодрив всех, я приказал матросам заняться орудиями, держаться без страха. Мы ожидали от фрегата бортового залпа, который и последовал с дистанции пистолетного выстрела. Он выстрелил мелкой дробью. На его любезность мы дали горячий ответ. После этого он дал упреждающий выстрел, остановился, лег вдоль нашего левого борта и выпалил другой бортовой залп, на что мы дали свой ответ. Затем мы заряжали орудия и палили друг в друга так быстро, как могли, до десяти вечера, пока его фор-стенг не полетела за борт. Фрегат встал к нам кормой, сделал поворот в подветренную сторону с лодкой на буксире и удалился от нас. Ликуя по случаю избавления от такого неприятного гостя, мы проиграли ему на наших трубах сигнал побудки и произвели прощальный залп теми орудиями, которые оставались заряженными. Я был очень рад тому, что нам, с Божьей помощью, удалось защитить корабль, хотя он был изрядно потрепан в мачтах и такелаже. Грот-мачта получила одиннадцать попаданий, три пробili ее насквозь, и несколько дробинок застряли внутри ее на три-четыре дюйма в глубину. Фок-мачта испытала восемь попаданий, два прошли сквозь нее. Грот-марс был разбит вдребезги. Грот-стенг раскололась посередине. Бегинь-рей был сломан выстрелом надвое, сбиты шпрюйтовый парус, гюйс и гюйс-шток. Наш старый флагшток оказался за бортом, так что большую часть сражения никаких флагов не развевалось над нами, кроме королевского вымпела, под которым я вел бой благодаря своему каперскому свидетельству. Несколько попаданий получили наши рей, на восстановление которых потребуется слишком много времени. Что касается такелажа, то не знаю, что с ним делать, – он был слишком изодран длинными железными болванками. Пришлось вязать основные ванты в четырнадцати местах, а с левого борта остался всего один неповрежденный вант. Мы подвязали фок-ванты в девяти местах. Цепь грот-марса и главные узлы оказались разбиты, так что рей целиком висел на бейфуте и кранце: наши опоры, паруса и канаты были прострелены в нескольких местах, а из бегучего такелажа лишь немного избежало повреждений от пальбы, которая велась довольно плотно. На корпус нашего корабля пришлось не более тридцати попаданий, четыре из которых – ниже ватерлинии. Фрегат вел огонь большей частью по высокой траектории, по нашим мачтам, реям и такелажу, чтобы сбить их за борт. К счастью, не было сильного марсового ветра, море было спокойно (что необычно для этих мест), легкий ветерок дул до тех пор, пока у нас сохранялась возможность их как-то закрепить при помощи пробок, брасов, подвязывания и сращивания. В корпус фрегата мы били настильно, постоянно заряжали наши орудия малой мощности (все были полукулеврины) двойной и круглой дробью, а орудия на юте – круглой дробью и картечью, полной мушкетных пуль. Мы наверняка побили много людей на фрегате. Наши три шлюпки и грузовые стрелы были пробиты во многих местах, а комплект парусов сильно поврежден, некоторые паруса прострелены так, что выглядели ситом. Мы потеряли было пять человек убитыми и тридцать два ранеными. Среди последних числились мой брат, командор, плотник и боцман. Плотнику прострелили руку, а троим другим – ноги. Пять-шесть моих лучших матросов подорвались ужасным образом из-за собственной беспечности, оставив горящие спички рядом с пороховыми зарядами. Нашему арфисту раздробило мелкой дробью череп, остальные отделались легкими пулевыми ранениями и синяками, сохранялась надежда, что они быстро поправятся. Наш врач, мистер Уильям Гордон, был прилежным тружеником и большим мастером своего дела. Бой длился шесть часов – с четырех до десяти вечера – на расстоянии пистолетного выстрела, при легком ветре, малом волнении моря и скорострельности,

какую позволяла быстрота зарядки орудий обеими сторонами. Во время боя мы часто издавали возгласы ликования, они отвечали своими: «Vive le gou!» Когда же фрегат удалился, их тональность изменилась – я никогда не слышал такого ужасного визга и воя, какие исходили с его борта. Должно быть, там было много раненых. По-моему, этот военный корабль располагал сорока восьмью орудиями. После его ухода мы последовали курсом вест-тень-зюйд при легком северо-западном ветре. Вся ночь прошла в работах по укреплению такелажа, насколько это было возможно. Мы старались подготовиться к новой встрече с фрегатом, если бы он решился нанести нам утром новый удар. Однако наши люди устали за день, лучшие из них были убиты или ранены, мы мало что могли сделать, хотя я, как мог, ободрял их и давал им пить вволю пунша. Утром, когда рассвело, мы увидели противника на расстоянии три лиги. Он удалялся от нас в северном направлении, решив, я полагаю, что с него хватит ночных приключений. Я, без сомнения, обрадовался, ибо не желал больше иметь никакого дела с этим драчливым фрегатом.

24 октября, пятница. Последние двадцать четыре часа мы провели в вязке вантов и укреплении, насколько возможно, такелажа. Подвязывали грот-ванты в четырнадцать местах, а фор-ванты – в девяти, и после перекручивания их для упрочения нашей шаткой мачты нам пришлось непрерывно использовать цепной насос и оба ручных насоса для откачки воды, которой корабль набрал изрядное количество через четыре пробоины под ватерлинией. Из-за волнения моря мы так и не смогли остановить приток воды. В этот день мы питались хлебом, сыром и пуншем и очень сожалели о потере бочки бренди, которая хранилась в нашем лазарете. Приготовить мясо не представлялось возможности из-за того, что печь и топка были прострелены, и к их ремонту приступил наш оружейный мастер. Наш корабль выглядел жалко с обвисшим простреленным такелажем и усеянный щепками, как плотницкая мастерская – стружкой.

26 октября, воскресенье. Вчера вечером мы снова перекручивали ванты. Жара и вязка узлов сильно ослабили их. Простреленный бегинь-рей срастили и закрепили, приладили бизань. Сняли фок-парус (он имел тридцать больших пробоин шириной в пол-ярда, проделанные железными болванками, и бесчисленное множество дырок от мушкетных выстрелов). Поставили новый парус. К фок-мачте прикрутили три больших гандшпуга, чтобы закрыть полученную во время боя примерно в десяти футах от полубака большую пробоину глубиной около восьми дюймов. Плотники занялись устранением пробоин в наших крепежных болтах.

27 октября, понедельник. Вчера вечером наши плотники занимались починкой дна нашего ялика, так что теперь мы имеем лодку на плаву. Ее можно будет спустить на воду при падении человека за борт и прочих инцидентах. Работа насосов для откачки воды не прекращалась, в дневное время солдаты Королевской Африканской компании оказывали нам большую помощь. Этим утром, как только рассвело, мы увидели в лиге от наветренной скулы корабль, идущий курсом зюйд-тень-вест, параллельно нашему курсу. Мы тотчас привели корабль в боевую готовность. Сказать по правде, наши матросы оказались весьма проворны, так что мы были готовы встретить противника менее чем через час (скорее, чем перед предыдущим боем). Через полчаса мы наблюдали, как чужое судно идет по ветру на всех парусах к Варварскому Берегу. Оно показалось нам исправным, вести его мог Даниэль, капитан идущего в Анголу «Медитерэйниэна». Когда мы заметили, что корабль держится от нас в стороне, то продолжали двигаться своим курсом, не желая провоцировать конфликт после недавнего боя, хотя все члены экипажа были полны решимости немедленно дать ему жесткий отпор. Но, все еще держась по ветру, около двенадцати часов он пропал из виду. Мы снова закрыли пушечные амбразуры, сняли со стропов рей, побросали закрепленные за нами места, а плотники возобновили починку лодок. Ложная тревога помешала нам уделить внимание своим тропическим бутылкам. В этот день нашему волюнщику ампутировали ногу чуть ниже колена.

2 ноября, суббота. Со вчерашнего полудня до шести вечера мы двигались вдоль острова Сантьяго, понемногу убавляя ход. Убрали нижние паруса и держались курса на восток только

на топселях до Санта-Майо, взяв затем курс ост-норд-ост на расстояние пять лиг. В десять мы закрепили на мачте фор-марсель и убавили при свете дня ход до самого малого для входа в бухту Прая для демонтажа нашего корабля. В шесть утра подняли паруса и направились в порт, войдя в него около десяти. Мы отстояли от берега чуть больше чем на длину каната и на милю – от прекрасного песчаного дна залива, у водной части которого был большой кокосовый сад.

3 ноября, воскресенье. Вчера мы сняли грот-парус и спустили рей, развернули его на всю длину, чтобы приладить отрезок в десять футов к нок-рее с правого борта, где она сломалась. Около трех часов утра перетаскивали орудия и дали кораблю крен на левый борт, чтобы прекратить приток воды с правого борта, где было три пробоины ниже ватерлинии перед глас-клампом. Наши плотники работали до двух ночи, чтобы заделать пробоины, между тем как матросы чистили корабль почти до самого низа. Затем мы накренили судно на другой борт и с левого борта на фут ниже ватерлинии обнаружили большую пробойну в его носовой части. Плотники потратили на заделывание этой пробоины остальную часть дня. До ночи корабль выправили. Около девяти утра я вместе с офицерами нанес визит вежливости губернатору города Сантьяго, поместив наших трубачей на носу шлюпки.

После того как усилиями гребцов лодка прошла семь миль, мы достигли точки входа в залив, ведущий в город. Направили шлюпки прямо к воротам, где высадились и увидели только нескольких негров и детей. Наши трубачи сыграли сигнал, который вызвал к нам чиновника, проводившего нас к губернаторскому дворцу в верхней части города. Здесь не было никого, кроме негритянок, которые изъяснялись с нами непристойными английскими словами, сопровождая речь похотливыми неприличными телодвижениями. Женщины были голыми – только имели спускавшиеся посреди бедер небольшие повязки ткани вокруг их талий.

Нам сообщили, что губернатор находится в церкви, однако наши горны встревожили главу острова настолько, что ждать его появления долго не потребовалось. За ним, появившимся во главе процессии верующих, вели коня в довольно приличной сбруе. Сопровождали губернатора два молодых капитана и священник. Сняв свои шляпы, мы приветствовали главу острова, на что он и его окружение куртуазно отвечали. Затем он пригласил нас во дворец и провел через двор в просторный дом с железным балконом, выходящим на море. С него открывался великолепный вид. Когда нас рассадили по местам, я объяснил, что мы пришли с визитом вежливости, и рассказал о нашем плавании, а также о том, что нас побудило зайти в его порт. Мы выразили надежду, что губернатор позволит нам запастись пресной водой и провизией. Он ответил, что убедился в нашей честности и мы можем запастись всем, чем располагает остров. Я горячо поблагодарил главу острова за гостеприимство. Мне показалось, что все это время он чувствовал себя несколько неловко, поскольку не хотел помимо меня угощать всех моих офицеров и пассажиров корабля. Поэтому, подозревая одного из своих людей, я шепнул, чтобы мои спутники прошли прогуляться на час. Они вскоре так и поступили, испросив разрешения у губернатора повидать город. Тот не замедлил предоставить им такую возможность. Со мной остался лишь брат.

Вскоре после того, как они ушли, нас снабдили салфетками и большим куском хорошо испеченного белого хлеба. Затем он сходил в соседнюю комнату и принес коробку мармелада и квадратную бутылку мадеры, которую предложил выпить. Если бы не долг вежливости, я предпочел бы попить воды, ибо вино было таким густым, противным и теплым, что могло бы вызвать какую-нибудь неприличную физиологическую реакцию в присутствии его превосходительства. Однако, приняв утром на борту хорошую порцию пунша, я укрепил свой желудок до такой степени, что мог владеть собой. Вслед за этим я пригласил его пообедать на борту нашего корабля, где ему будет оказан теплый прием и приличествующее уважение. Он любезно принял приглашение, но уверял, что не был еще на борту ни одного корабля с тех пор, как стал губернатором. Он сказал, что если бы он согласился пойти, то жители острова скорее умерли, чем позволили бы ему сделать это. Они заботились о том, чтобы ему ни в коей мере не нанесли

вред или не сыграли с ним какую-нибудь злую шутку, что случалось с некоторыми губернаторами этих островов из-за пиратов и каперов, которые грозили увезти их с собой, приходивших к ним на корабли, пока те не прикажут принести столько провизии, сколько требовали насильники. Каперы делали вид, что выдают за это векселя, подлежащие оплате в Лондоне, но выписывали их под фальшивыми именами или на адрес насосной станции Алгейт, как это было с губернатором острова Сент-Томас.

4 ноября, понедельник. В этот день плотники срастили грота-рей, скрепили его двумя железными бугелями и канатами. Мы сняли наши простреленные топсели и прикрепили к реям другие. Приладили грота-штаг, послали за водой баркас, который привез шестнадцать полных бочек. Стояла прекрасная погода, дул приятный легкий северо-восточный ветерок. Утром я отправился на берег залива. Здесь было полно людей в рваной одежде, торговавших апельсинами, лимонами, кокосовыми орехами, ананасами, бананами и т. д. В одном месте продавец с парой кур в руке, в другом – с обезьянкой на коленях, чуть дальше стоял человек с козой у ног, рядом другой держал на привязи свинью. Наши матросы так спорили с ними за старые потрепанные рубашки, нижнее белье или мелкие вещи (ничто не ускользало от их внимания), что торговля выглядела оживленной и азартной. Полюбовавшись некоторое время этой толчеей, мы поднялись на холм, чтобы передать губернатору обещанный сыр через заранее назначенного старого чиновника, представленного мне среди других. Здесь я встретился с господином с острова, который явился с целью предложить поставки провизии, которая мне нужна, – часть за мои деньги, остальное – путем бартерного обмена. Я заказал пятнадцать коз, десять овец, четыре свиньи, шестьдесят кур, пятьсот апельсинов и лимонов. Все это мне пообещали доставить на берег утром. Негры здесь ходят голыми, прикрываясь только куском ткани. Женщины наворачивают материю вокруг голов, носят хлопковую ткань в голубую клетку или полоску, которая высоко ценится как хороший товар для Золотого Берега Гвинеи. Мне говорили, что здесь производили много такой ткани на продажу, но я видел ее только на женщинах, и ни одна из них не предлагала мне купить эту ткань.

5 ноября, вторник. Утром, как и было обещано, на берегу я обнаружил провизию, о которой договаривался. Был совершен разумный торговый обмен: я заплатил за товары три фунта в испанских деньгах, собранных у офицеров, а за остальную продукцию рассчитался мушкетами, кораллами и цветным льняным полотном. Я сходил попрощаться со старым чиновником, не намереваясь больше посещать берег, и около девяти вернулся на борт корабля, где матросы занимались креплением вант. Плотники распилили грот-стенгу пополам и с помощью этих половинок утром устанавливали сорвавшуюся с места фок-мачту. Подогнав и проколов фиши, они скрепили их четырьмя канатами. Мы поставили нижние реи и приготовились идти под парусами следующим утром. Прошлой ночью скончался честный и отважный уэльсец Томас Кроноу, один из наших матросов. Он умер от ран, полученных в последнем бою: одним попаданием снаряда ему снесло одну ногу поверх лодыжки и пол ступни другой ноги. Его тело отвезли на шлюпке на небольшое расстояние от корабля и сбросили в море.

6 ноября, среда. В четыре утра выбрали стоп-анкер и трос, затем развязали и подняли топселя, снялись с малого станového якоря и вышли в море при северо-восточном ветре, приятном и свежем.

7 ноября, четверг. Вчера вечером все чистили межпалубное пространство. Плотно укрыв решетки брезентом, сожгли три ведра дегтя, чтобы обезопасить корабль от инфекции и болезней. Втащили шлюпку и ялик, к баркасу приладили веревку и трос, взяв его на буксир. Выбрали тросы, подняли якоря, подогнали друг к другу доски рубки и зарифлили паруса.

23 ноября, суббота. Со вчерашнего полудня мы шли вдоль берега к мысу Моунсерадо под легкий ветерок. Увидели мыс при дневном свете и вскоре заметили три судна, стоящие на якоре у берега, одно из которых показалось крупным кораблем. Мы не знали, что это за корабли, поэтому насторожились и приготовились к бою, когда увидели, что в нашем направлении гре-

бет лодка. Это был баркас с «Ост-Индия Мерчант». Капитан Шерли послал его, чтобы просить нас о помощи. Он держался у мыса с фок-мачтой и фока-реей, разбитыми ударом молнии в щепы, а фор-брамсель загорелся от предшествовавшей вспышки молнии. Я собирался запастись деревом и водой на острове Юнко примерно в двенадцати лигах еще на востоке, где течет славная река и много леса. Однако, узнав о несчастье, выпавшем капитану Шерли, я изменил свое решение и, воспользовавшись морским бризом, направился к Моунсерадо. Около четырех часов вечера наш корабль бросил якорь на глубине восемь фатомов. Здесь мы выяснили, что представляли собой два других судна. Во-первых, это был корабль Габбинса, контрабандиста с Барбадоса, который вез главным образом груз рома для обмена на золото и рабов. Я купил у него 500 галлонов напитка по дешевой цене и продал их с большой выгодой. Другим судном был шлюп «Станиер». На его борту находился мистер Колкер, посредник из Шерборо. Он прибыл сюда, чтобы закупать бивни слонов и т. п.

Народ здесь вежливый и учтивый, но очень склонен к попрошайничеству. Король и его окружение постоянно преследовали нас в надежде получить подарки. Здесь большие запасы качественного и дешевого риса, которым нас снабжали в изобилии, а для большего удобства торговли с ними и для обустройства наших плотников, которые оставались по ночам на берегу с целью заготовки дерева, мы соорудили из старых парусов два тента на песке у устья реки. Главным товаром был рис. Я закупил его пять тонн. Расплачивался в основном спиртным. За пинту можно было купить 30 фунтов риса. Другие товары, которые их интересуют, – железные болванки и валлийская ткань. Но за последний товар им нечего было предложить. Мы покупали у них дичь (не больше английских цыплят), которую они называют «кокадеку» и едят ее в сушеном виде. Мы купили также немного лаймов, диких апельсинов, ананасов, двух-трех коз. Они предлагали несколько небольших слоновьих бивней, но мы не удостоили их внимания.

28 ноября прибыл капитан Джон Соуне на «Джеффри». Погрузив на борт своего корабля лес, воду и рис, он отправился в четверг 3 января в Байт, оставив мне пачку писем от сэра Джеффри Джеффриса для пересылки в Европу с первой okazji. Агент Колкер уехал 5 января в Шерборо, а Габбинс тем же утром на контрабандном судне из Барбадоса отбыл на Золотой Берег. Я отправил с ним письма трем главным торговым представителям Королевской Африканской компании в Кабо-Корсо-Касле, давая согласие на прием рабов на Золотом Берегу и обговаривая то их число, которое было необходимо поставить к моему прибытию. Мне пришлось оставаться здесь еще десять дней после завершения всех своих дел, пока капитан Шерли переоснащал свой корабль. 9 января 1694 года под легкий утренний бриз мы отправились на африканское побережье. Негры в этом месте выражали горячее расположение к англичанам и такую же ненависть – к французам. Двое из них, запомнив мое имя и капитана Шерли, заверили, что назовут ими своих следующих сыновей.

13 января, суббота. Вчера почти в четыре часа вечера, подойдя к реке Сестос, мы стали на якорь на глубине девять фатомов. Этим утром я отправился на берег в своем баркасе, чтобы поторговать. Капитан Шерли был не здоров и послал своего казначея.

В восьми милях вверх по реке расположено поселение, в котором правит король Петр, однако у меня не было времени навестить его и, по правде говоря, не было желания отправляться на баркасе так далеко. Негры здесь очень вероломны и кровожадны, как убедились на собственной шкуре европейские торговцы. Здесь пользуются спросом медные котлы, оловянная посуда разных размеров, спиртные напитки, лед, красная и голубая валлийская ткань, ножи и т. п. Но черные ничего не могли предложить за это, кроме небольших бивней «телят» (молодых слонов), которые нас не интересовали, но стоили очень дорого. Мы купили несколько кур, лаймов и апельсинов. Предлагался рис, но гораздо дороже, чем в Моунсерадо, где мы запасались провизией.

14 января, воскресенье. Обнаружив, что торговля не оправдывает нашей стоянки у Сестосы, мы снялись этим утром с якоря и отправились под западный ветерок.

15 января, понедельник. Со вчерашнего полудня до двух ночи мы двигались вдоль берега. В это время нас настигли несколько каноэ с реки Сангвин, где начинается Хлебный Берег, или Малагетта. В ивовых корзинах туземцы привезли нам перец, названный ими малагеттой, похожий на любимый мной индийский перец. Я купил 1000 мер перца за одну железную болванку (в Англии это стоит три шиллинга шесть пенсов) и подарок брокеру в виде одного-двух ножей.

16 января, вторник. К полудню этого дня мы были у Ваппо, откуда прибыли новые каноэ для продажи малагетты. Я купил триста мер ее за три двухфунтовые оловянные посудыны. Могли бы было купить больше, но и этого было достаточно. Мы отправили туземцев на берег и продолжили свой путь.

17 января, среда. Вчера болезнь моего несчастного брата усилилась, он бредил. Несмотря на мои старания и усилия врача капитана Шерли поставить его на ноги, в три ночи сегодня он покинул этот беспокойный мир и оставил меня переживать его кончину. Около восьми дней он болел тяжелой формой лихорадки, которой страдали многие наши матросы.

18 января, четверг. Обогнав вчера около пяти вечера мыс Пальмас, мы стали на якорь на глубине девятнадцать фатомов, где простояли до шести сегодняшнего утра. Подняли паруса, когда гроб приготовили, уложили в него покойника и забили гвоздями крышку. Спустили баркас, в него для совершения похоронной церемонии сошли я, мой врач и казначей. Приспустили на полмачты флаги нашего корабля и «Ист-Индия Мерчант». Как обычно, в такой печальной церемонии звучали горны и били барабаны. Мы отгребли четверть мили от корабля, читали церковные молитвы. Я помог спустить тело покойного в море. Это была последняя услуга, которую я мог оказать своему брату. Затем «Ганнибал» сделал шестнадцать выстрелов из орудий с интервалами в полминуты. Именно столько лет он прожил в этом мире. «Ист-Индия Мерчант» выстрелил из десяти орудий.

21 января, воскресенье. В шесть часов мы снялись с якоря и двинулись на восток. Около десяти к нам прибыли два каноэ из Каба-Ла-Хо, за ними еще несколько с грузами хороших слоновьих бивней. Они попросили нас стать на якорь. Но прежде чем негры с каноэ взошли на борт, они попросили, чтобы капитан корабля спустился вниз и закапал свои глаза тремя каплями морской воды в знак дружбы и гарантии безопасности для них на борту. Я с готовностью согласился с этим и выполнил их просьбу в надежде на выгодную покупку хороших больших бивней. Затем они поднялись на борт корабля, но, увидев на палубе много людей, снова спустились в каноэ. Их опасливость меня очень озаботила, и я стал настойчиво уговаривать их вернуться, что они и сделали. Угоstit каждого доброй кружкой бренди, я показал им некоторые из наших товаров, а они принесли часть слоновьих бивней. Меня удивило то, что, когда они на каноэ подошли к кораблю, единственными доносившимися до нас звуками были «Кря, кря, кря, кря», как у уток. Из этого я предположил, что берег слоновьих бивней имеет название берег Крякря. Он тянется с мыса Пальмас до Бассам-Пиколо, где я впервые встретил золото. Нигде на побережье я не встречал таких робких негров, как здесь. Это приводит к мысли, что с ними проделывали трюки такие молодцы, как Долговязый Бен, то есть Эйвери, который захватывал их и увозил с собой. Из товаров туземцев больше всего интересовали оловянная посуда, железные болванки, ножи и большие витые оловянные кувшины, к которым наши покупатели питали особую привязанность.

27 января, суббота. Вчера в два ночи мы снялись с якоря и двигались вдоль берега до шести утра. В это время к нам подошло из Бассама каноэ с четверьмя туземцами, заверившими нас в предстоящем выгодном торге, если мы станем на якорь. Они попросили нас оставить их на борту корабля всю ночь, что и было позволено. Их каноэ мы подняли на таях и бросили якорь на глубине четырнадцати фатомов. Утром туземцы, оставшиеся на корабле, принялись торговать. Я купил у них тридцать шесть мер золота в амулетах за оловянные и железные болванки.

28 января, воскресенье. Вчера негры обещали нам выгодный торг, если мы останемся здесь. Соответственно, утром ко мне подошли два каноэ с туземцами. Я выменял у них шестнадцать унций золота в амулетах: за железную болванку – полторы меры, за десяток ножей – одну меру, за оловянную кастрюлю емкостью четыре фунта – одну меру с премиальными в виде нескольких ножей для тех, кто торговал быстро. Здешние негры не очень искушены в торговле по сравнению с теми, что живут на Золотом Берегу, поэтому мы могли сами устанавливать меры веса для них. Однако с подветренной стороны Золотого Берега негры имели понятие о наших тройских весах не хуже нашего. У них были собственные меры веса, которые они сравнивали с нашими. Точно так же в этом месте товары оцениваются выше, чем в наших факториях с наветренной стороны, по той причине, что здесь они не могут снабжаться все время, а там могут. Поэтому, когда здесь проходят корабли, они покупают все, что могут, хотя и платят более высокую цену. Правда, для торговли у них не так много золота.

31 января, среда. Прошлой ночью я почувствовал мучительную головную боль с правой стороны. Капитан Шерли, болевший лихорадкой, послал за моим врачом, мистером Гордоном, проконсультироваться. В воскресенье моя головная боль усилилась, в глазах так потемнело, что я ничего не мог видеть в десяти ярдах. Из-за головокружения я не мог стоять и двигаться без посторонней помощи.

13 февраля, среда. Утром мы вышли в море и, обогнув мыс Аполлония, вечером стали на якорь в Аксеме на глубине восемь фатомов, примерно в двух милях от голландского форта. Здесь у нас состоялась лишь скромная торговая сессия, поэтому, загрузившись, мы шли вдоль берега до ночи, после чего стали на якорь на глубине восемнадцати фатомов, напротив форта Бранденбург, около мыса Трес-Пунтар.

Утром 20 февраля капитан Шерли и я отправились на берег в нашу крепость Саккэнди, где обнаружили впавшего в безумие управляющего факторией мистера Джонсона. Он ругал и проклинал нас самыми последними словами, совершенно не узнавая давно с ним знакомого капитана Шерли. Я сочувствовал всей душой бедняге, который погрузился в это состояние из-за оскорбления, нанесенного ему неким Ванбукелином, торговцем из Мина-Касла. Как нам сообщил его помощник (молодой парень из сиротского приюта), некая Тагуба, известная негритянка в городе Кейп-Корсо, забеременевшая от одного из солдат нашей крепости, родила девочку-мулатку, которая росла там до одиннадцати лет. Управляющий факторией, мистер Джонсон, живший тогда в Кейп-Корсо, очень увлекся ею и сделал ей предложение (так заключались браки в Гвинее). Примерно в это время его перевели главным управляющим в факторию Саккэнди. Чтобы не потерять девушку, он взял ее к себе в факторию, где она проживала до возраста, пригодного для отправления супружеских обязанностей. Джонсон питал к ней любовь и нежность и счастливо провел с ней два-три года. Когда она стала привлекательной красивой женщиной, Ванбукелин подкупил ее мать Тагубу деньгами и подарками. Он уговорил ее поехать в Саккэнди под предлогом посещения дочери. Там он похитил и увез девушку с собой, приготовив для этого быстроходное каноэ, которое ожидало у голландского форта в Саккэнди. Вот как это было. Мать приехала в гости к ничего не подозревавшему мистеру Джонсону. Она пошла с дочерью якобы погулять. Когда они проходили рядом с притаившимся каноэ, гребцы схватили девушку и насильно посадили в лодку. Мать последовала за ними. Обеих женщин привезли в Мина-Касл. Девушку доставили Ванбукелину, разгрызшему орех, который так долго готовил для себя мистер Джонсон. Обедая с голландским начальником в Мина, я видел ее, когда ее привели танцевать для нас. Она выглядела прекрасно, и к ней обращались как к мадам Ванбукелин. Это и некоторые другие старые противоречия между голландцем и мистером Джонсоном так губительно повлияли на последнего, что привели его в состояние сильного расстройства и даже умопомешательства. Молодой помощник развлекал нас как мог, а около трех мы вернулись на корабль. Во время пребывания там мне сообщили, что соседние негры, подстрекаемые Ванбукелином и голландским начальником, ночью совер-

шили внезапное нападение и захватили форт. Они изрубили управляющего Джонсона на куски и разграбили товары.

27 февраля в полдень мы бросили якорь у дороги на Кейп-Корсо на глубине восьми фатомов и приветствовали нашу крепость пятнадцатью артиллерийскими залпами, получив такое же ответное приветствие. Товары и запасы, привезенные в крепость, мы отправили на баркасе, подошедшем к берегу так близко, насколько возможно. Потом подошли каноэ и забрали наши грузы. Эти плоскодонки прыгали на волнах, пока не приобретали устойчивость, затем натужно гребли к берегу, выгружали товары и снова уходили в море. В этом месте мы высадили с «Ганнибала» тридцать солдат компании. Они были в таком же добром здравии, как и тогда, когда садились на борт в Англии. Но в течение двух месяцев, что мы находились здесь для завершения своих дел, почти половина из них погибла, и немногие выжившие смогли похоронить своих товарищей.

Товары, которые пользуются наибольшим спросом на Золотом Берегу, – это голубые и красные ткани, а также оловянная посуда разных размеров, весом от одного до четырех фунтов, старые паруса, большие фламандские ножи, железные болванки, контейнеры со спиртом, хорошо выкрашенная лейденская ткань и кораллы, крупные и хорошего цвета. На такие предметы торговли спрос падает редко или никогда. Я также привез за счет Королевской Африканской компании мушкеты, разнообразные ткани, медные чайники, английские ковры, свинцовые болванки, бочонки с салом, порох и многое другое. Но ни один из этих товаров не оправдал наших ожиданий, пришлось везти обратно в Англию большую их часть. А за те, что удалось продать, выручили совсем немного.

Около больших ворот крепости расположена тюрьма для содержания преступников фактории (убийцы, предатели и т. д.) до тех пор, пока не представится возможность отослать их на суд в Англию, где они получают заслуженное возмездие. В ее темные казематы попал один из моих трубачей по имени Уильям Лорд. Он распивал пунш на берегу с несколькими младшими чинами крепости, когда между ним и одним сержантом возникла ссора. Сержант вызвал его на поединок на саблях у цитадели. Трубач принял вызов и явился на дуэль. Они фехтовали, пока трубач не получил шанс ранить противника в живот. Тот выронил саблю, стал молить о пощаде и упал на землю. Об этом узнали в крепости. Трубача схватили и бросили в тюрьму. Получив об этом сведения, я предложил, чтобы мой врач и лекарь с их стороны посетили сержанта, осмотрели его рану и убедились в том, смертельна она или нет. На это было дано согласие. Через час врачи вернулись с докладом. Оба пришли к выводу, что рана ни смертельна, ни даже опасна. Лезвие сабли сделало порез шириной всего пять дюймов, скользнуло по брюшной полости, но не пронзило живот или какие-нибудь важные органы. Поэтому трубач освободили. Он, поблагодарив посредников, немедленно вернулся на корабль, ставший его лучшим убежищем. Здесь власти фактории не могли до него дотянуться.

Но, хотя в этот раз он счастливо избежал беды, подозреваю, что его ждет судьба висельника. Ибо, несмотря на свое здоровье и силу, он оказался чрезвычайно распушенным и подлым субъектом. Из-за его бесчинств на борту мне пришлось заковать его по рукам и ногам в железо на острове Сент-Томас и содержать так в течение восьминедельного изнурительного плавания до Барбадоса, где я намеревался передать его на один из военных кораблей его величества. Там знали, как обращаться с такого рода отвязными типами. Однако, поддавшись его явному раскаянию и искренней мольбе, я воздержался от этого, к своему большому разочарованию в дальнейшем. Вскоре он сошел на берег и сбежал, скрываясь в одном из пустых домов Бриджтауна до тех пор, пока из-за собственной неводержанности не только потратил свое жалованье, но влез в долги, которые не смог отдать. Поэтому он нанялся на борт небольшого двадцатипушечного фрегата из Новой Англии. Это был отличный корабль, который барбадосские купцы купили, укомплектовали экипажем, оснастили боевым вооружением и сделали совладельцем губернатора острова, полковника Рассела. Он направил корабль на Мадагаскар для покупки

рабов, но, как я выяснил впоследствии частным порядком, реальной целью вояжа было Красное море, с тем чтобы извлечь выгоду из торговли с кораблями моголов. По завершении своей миссии и покупки для вида нескольких негров корабль мог смело и без опаски возвращаться с ценным грузом на Барбадос, поскольку в этом был заинтересован губернатор, а также одна из сторон, состоящая в родстве с английским адмиралом. Я поучаствовал в этом предприятии – продал им немного больше стрелкового оружия, чем было принято и необходимо для обороны судна, выходявшего в море с торговой миссией. Какова дальнейшая судьба корабля, не знаю.

В Кабо-Корсо мы взяли на борт часть кукурузы, заказанной для содержания негров на Барбадосе. Груз состоял из ящиков, содержащих четыре бушеля для каждого негра. Выгрузка товаров для крепости заняла много времени. «Ист-Индия Мерчант» и наш корабль имели на борту 300 тонн товаров и ни одной шлюпки для перевозки, кроме наших собственных баркасов, которые вместе не могли быть задействованы в работе одновременно. Иногда море так штормило, что невозможно было что-либо делать шесть-семь дней подряд. Каноэ не могли подойти к кораблям, чтобы взять груз. Это обрекало нас на длительный простой, в течение которого мы заправлялись водой и разгружались в направлении ветра. В крепости отказывались выгружать на берег остаток грузов на любых условиях, расплачиваясь только с агентами компании, принимающими кукурузу на борт, и т. д. Освободившись наконец от грузов, 24 апреля в пять вечера я распростился со здешними дорогостоящими агентами компании. Они обрушили на меня массу любезностей. Время общения с ними я буду помнить с благодарностью, как и откровенность тех самых честных джентльменов нашей страны на всем побережье, которые в своих факториях умудрялись превзойти друг друга в оказании нам услуг и развлечений. Они очень огорчались и тревожились по поводу нашего отбытия, но нужно было расставаться, и вот, после многих взаимных выражений добрых чувств, я пожелал им счастливого Рождества и сел в лодку, захватив с собой два ящика золота для Африканской компании в Лондоне.

Прибыв на борт корабля, мы втащили туда ящики с золотом и подняли на бимсы наш баркас. Помощник сообщил, что во время торнадо корабль сорвало с левого станового якоря, трос порвался, в результате чего пришлось использовать наш запасной якорь, на котором мы простояли всю ночь.

25 апреля. Этим утром мы оставили крепость, приветствуя ее пятнадцатью залпами из орудий и получив аналогичное ответное приветствие. Сделать это прошлой ночью не позволило позднее время. Около восьми послали наш баркас к бакену, чтобы поднять на борт левый становой якорь, но он так увяз на дне, что под напряжением лопнул трос, державший бакен, и лодка стала дрейфовать по ветру. Затем мы послали лодки с буксирным канатом и двуглавым ядром для вылавливания якоря, но без всякой пользы. Пока мы безрезультатно искали якорь целый день, капитан Шерли прибыл в Анамабо.

В шесть утра 26 апреля мы снялись с нашего правого якоря и взяли курс на восток в Анамабо. Около девяти вышли на траверс Анишена, который представляет собой поселение из соломенных домиков, где Африканская компания устроила небольшую факторию. Поселение находилось в лиге от Анамабо, куда мы прибыли около десяти и стали на якорь на глубине семи фатомов, примерно в полутора милях от берега. Салютовав из семи орудий находившейся на северо-востоке по пеленгу крепости и получив ответный салют, мы пришвартовали корабль кеч-якорем и тросом. После обеда я отправился на берег к управляющему здешней факторией, мистеру Серлу, чтобы узнать, куда и когда мы сможем прибыть за кукурузой, выделенной нам главными торговыми представителями в Кейп-Корсо. Там и в Аэне следовало добрать необходимый для нас маис, завершив нашу квоту погрузкой 700 ящиков на каждый корабль. Мистер Серл немедленно распорядился, чтобы мы могли забрать маис своими лодками, и любезно потчевал нас до самой ночи, после чего мы с капитаном Шерли вернулись на свои корабли. Анамабо находится в королевстве Фантин, в четырех лигах к востоку от Кабо-Корсо, и явля-

ется прелестным большим городом. Населяющие его негры выглядят весьма боевитыми, здоровыми парнями, но большинство из них – отчаянные коварные негодяи, самые отъявленные плуты на всем побережье. Золото здесь считается худшего качества и смешивается с медью больше, чем где-нибудь в Гвинее. В нашей довольно модной крепости, где установлено около восемнадцати орудий, в течение несколько дней оказывал нам гостеприимство мистер Серл, а в Ате, небольшой соломенной деревушке возле моря, примерно в полумиле к востоку от Анамабо, – управляющий факторией мистер Купер. В этой деревне, почти ничем не защищенной, за исключением нескольких мушкетов, есть большой двор и прекрасный пруд с утками. Мистер Купер, весьма предприимчивый молодой джентльмен, пообедал с нами вместе с женой (так он ее называл). Также мы обедали с миссис Серл в Анамабо. Обе женщины были мулатками, как и супруга мистера Ронона в Кабо-Корсо. Это весьма удобная форма брака, поскольку мужья могут менять жен по своей прихоти. Это заставляет этих женщин, заботы по содержанию которых минимальны или вовсе отсутствуют, относиться крайне щепетильно к развлечению своих мужей, к стирке их белья, уборке помещения и т. д. и т. п.

Наше пребывание в Анамабо длилось до 2 мая. Затем мы с капитаном Шерли, получив по 180 ящиков маиса каждый, загрузили лодки пресной водой и, освободившись от того, что осталось от грузов с наветренной стороны, распрощались с господином Серлом и Купером. Отправившись на восток вдоль побережья на дистанцию около двух лиг, ночью мы стали на якорь на глубине пятнадцать фатомов.

3 мая. Утром шли под парусами и двигались вдоль берега к Винибу. Встречались каноэ, из-за которых мы останавливались в надежде совершить торговый обмен. Но надежды оправдывались слабо, всем было нужно золото. В восемь вечера мы стали на якорь, чтобы не пройти мимо нашего порта.

4 мая. В восемь утра поставили паруса, а в одиннадцать стали на якорь у Виниба на глубине девять фатомов до хорошего дна. После обеда пришвартовались, вышли на берег встретить каноэ, которыми обеспечил нас для использования в Виде управляющий здешней факторией мистер Николас Бакеридж.

Здесь каждый из нас встретил пятиместное каноэ и посадил своих лодочников и плотников за работу с целью укрепления их кницами и тимберсами. Мы вытащили наш имевший течь и изъеденный червями баркас на берег и подремонтировали его. С разрешения местной королевы – пятидесятилетней женщины, черной, как черный янтарь, очень тучной – мы запаслись пресной водой и дровами для топки. Ей, сидевшей под большим деревом, мистер Бакеридж и я выразили свое почтение. Королева любезно приняла нас и заставила своих фрейлин танцевать для нас в туземной манере. Она часто целовала мистера Бакериджа, которого, видимо, высоко ценила. И он действительно заслуживал такого отношения. Это был чрезвычайно добродушный и остроумный джентльмен, который очень хорошо знал эту страну и ее язык. Мы подарили королеве по ящику бренди и связке листового табака и после того, как она поблагодарила нас, пожелали ей доброй ночи. Королева была настолько любезна, что перед расставанием предложила нам разделить постель с ее молодыми служанками, однако мы вежливо отклонили это предложение и устроились на берегу. На следующий день нам пришлось поститься. Когда повар готовил обед – жаренного на быстром огне поросенка, – пламя костра поднялось до выстилавших потолок кухни сухих веток пальмы, которые немедленно загорелись, и менее чем через четверть часа наш обед и кухня превратились в пепел.

9 мая мы закончили дела в Винибе, вернулись на корабли и отправились в Аккру. Мистер Бакеридж поехал как мой пассажир нанести визит управляющему тамошней фактории мистеру Блуму. Капитан Шерли уже несколько дней страдал от диареи и лихорадки и был очень болен. Меня беспокоили сильные головные боли, и без снотворного я не мог заснуть, а из-за головокружения – ходить без посторонней помощи. Весь день шли вдоль берега, держась восточнее.

Ночью стали на якорь на четырнадцать фатомов глубины, пользуясь стоп-анкером и тросом, которые благодаря легкости употребления служат нам во время ходьки вдоль всего побережья.

На следующий день в Аккру прибыли два датских корабля, по 26 пушек каждый. Проходя мимо нас, они по отдельности салютовали девятью залпами. После нашего ответа на приветствие они стали на якорь в миле к востоку от нас. Датчане должны были договориться с чернокожим военачальником о возвращении и новом обустройстве захваченного ими форта. В связи с этим они привезли с собой местного губернатора, солдат, провизию, боеприпасы и товары. Во время нашего пребывания в Аккре датчане сделали чернокожему военачальнику несколько предложений, но ответные требования последнего оказались невыполнимыми. Впрочем, насколько мне известно, форт им все-таки передали, они его обустроили и отправились закупать рабов в Виду. Оттуда во время перехода в Вест-Индию они зашли на Принцев остров за пресной водой. Там на них напал пират Эйвери (Долговязый Бен). Завязался бой, после которого датские корабли были разграблены и сожжены. Так печально закончился их вояж.

Мой спутник, командир «Ист-Индия Мерчант» капитан Томас Шерли, скончался здесь от лихорадки и диареи. Его торжественно, с воинскими почестями, похоронили в крепости Аккры. Когда гроб с телом капитана, доставляли на берег, пушки его корабля палили на дистанцию под углом в полминуты. Мистер Блум, я, мистер Бакеридж и управляющий датской факторией держали крышку гроба. После захоронения капитана, согласно ритуалу англиканской церкви, орудия его корабля произвели 30 залпов, «Ганнибал» – 26, форт Аккры – 20, а датский форт и Черный – по 16 залпов каждый. Капитан резко противился написанию завещания и оставил без внимания мои настоятельные советы сделать это. Командование его кораблем перешло к первому помощнику, мистеру Клею, а о состоянии капитана, говорят, позаботился его казначей, мистер Прайс.

20 мая. Около девяти утра мы прибыли в Виду, город, расположенный в шестидесяти лигах к востоку от Аккры. Стали на якорь на восьми фатомов глубины, в двух милях от берега. Затем пришвартовались стоп-анкером прямо против пристани, чуть западнее одной рощи деревьев, похожей на парк и торчащей, как башня, и другой – к востоку от первой. Этот день потратили на подготовку наших каноэ и всего прочего для завтрашней поездки на берег для покупки рабов.

21 мая. Этим утром я отправился на берег в Виду в сопровождении моего врача и казначея, мистера Клея – нынешнего капитана «Ист-Индия Мерчант», его врача и казначея, а также для охраны десятка наших матросов. Им предстояло поселиться на берегу, пока мы не купим 1300 чернокожих рабов. Мы, капитаны, были заинтересованы в таком количестве. Согласно договоренности, зафиксированной в договоре с Королевской Африканской компанией о фрахтовке судов, «Ганнибалу» предназначалось взять на борт 700 рабов, а «Ист-Индия Мерчант» – 650. Мы провели девять недель в их поисках. Наблюдения об этой стране, торговле и нравах, сделанные мной в течение этого времени при продолжающихся головных болях, состоят в следующем.

Вида, или Кведа, расположена в точке координат 6 градусов 10 минут северной широты. Это самое приятное место, какое я встречал в Гвинее: сплошь равнины и небольшие пологие холмы, всегда покрытые тенистыми рощами лайма, диких апельсинов и прочих деревьев. Они орошаются широкими реками с пресной водой, в которых водится много разнообразной рыбы. Ближе к морскому побережью почва становится болотистой с большими топями.

Наша фактория, построенная капитаном Виберном, братом сэра Джона Виберна, находится близ болот, что делает ее весьма нездоровым местом для проживания. Белые люди, которых Африканская компания туда посылает, редко возвращаются с желанием рассказать интересные истории. Это место огорожено глиняной стеной высотой шесть футов. Ворота – с южной стороны. Внутри стен – большой двор с домом из глины с соломой, где живет управляющий

факторией с белыми людьми. Имеются также склад, загон для рабов, а также место, где хоронят белых людей, которое носит непотребное название «свинарник», есть хорошая кузница и некоторые другие постройки. К востоку устроены два небольших земляных фланка, на них несколько духовых ружей и аркебуз, которые служат больше для запугивания несчастных невольничьих негров, чем для боя. Когда мы были там, управляющий велел прорыть широкий и глубокий ров вокруг фактории, а мои плотники соорудили подъемный мост через него. Теперь безопасность фактории упрочилась. Ведь раньше войти в нее не представляло труда в дождливый сезон, когда стены размывались, а восстанавливались, когда прекращались дожди. Я заметил, что опасный сезон начинался здесь в середине мая и заканчивался в начале августа. Как раз в этот временной промежуток я и имел несчастье находиться здесь. Он оказывал удручающее влияние и на моих негров на борту корабля. Сами чернокожие свидетельствуют, что, когда идут дожди, больше похожие на горячие, словно нагретые огнем, фонтаны, они предпочитают не покидать свои хижины.

Фактория – около 200 ярдов в окружности и весьма непригодное место для проживания из-за близости болот, откуда исходит вредный запах и роятся маленькие мухи, называемые москитами, которые столь несносны, что если не принять опиум, настойку лауданума или снотворное, то ночью невозможно спать. Я никогда не чувствовал себя столь неудобно, как здесь. Эти злобные маленькие твари так досаждали и мучили меня, когда я лежал в постели, что мог находиться в ней не более часа. Я был вынужден вставать, одеваться и даже надевать перчатки на руки, а вокруг лица повязывать платок до того, как рассветало. И, несмотря на это, дьявольские москиты кусали меня сквозь платок. Ужаленное место воспалялось и опухало, провоцируя желание расчесывать его ногтями. Если бы король Яков I побывал здесь некоторое время, то убедился бы, что почесывание места, которое зудит, не очень приятное занятие, как он всегда считал.

Лучшими средствами от воспаления был сок лайма, нанесенный на покусанное место, или уксус, который сначала вызывает жгучую боль, но потом приносит облегчение. Поэтому для того, чтобы отогнать этих проклятых мошек, а также получить немного прохлады в этом месте (европеец чувствует себя в замкнутом помещении этой страны так, как если бы его засосало в горнило английской печи), мы заставляли негритянских подростков обмахивать нас всю ночь большими опахалами из кожи.

В этой грозной, но полезной нам фактории находились товары, которые мы выгружали на берег поздно вечером и не могли до наступления темноты доставить в поселение вождя, где я содержал пакгауз. В это время товары вполне могли растащить негры-носильщики, на что они весьма горазды. Например, в дневное время, несмотря на внимание наших белых людей, ответственных за доставку товаров с моря, они воруют каури (раковины), заменяющие деньги. У негров есть инструменты, похожие на клинья, предназначенные для того, чтобы сбивать заклепки бочек, в которых хранятся каури. Из образовавшихся отверстий раковины выпадают. Рядом всегда находились жены и дети носильщика, чтобы унести наворованные деньги. Но когда какой-нибудь из матросов, надзирающий за товарами, проходил рядом с таким носильщиком, тот незаметно восстанавливал заклепки при помощи своего инструмента, отверстия закрывались. Мы не могли предотвратить это вопреки всем своим угрозам и жалобам вождю. Впрочем, мы нередко их нещадно били, а некоторых сажали в тюрьму, но это оставалось в их крови. Что бы мы ни предпринимали, это не оказывало на них действия.

Фактория была полезна для нас и в другом отношении. Ибо после того, как мы добывали и отсылали к побережью группу рабов, чтобы затем увезти, иногда случалось, что из-за плохой погоды каноэ не могли подойти к берегу, чтобы забрать их. Поэтому негров возвращали в факторию, где они были обеспечены и содержались в безопасности до улучшения ситуации. Пользуясь случаем, мы иногда за один раз переправляли таким образом сотню рабов обоих полов.

На берегу у нас был свой повар, так как мы старались питаться как можно лучше. Провизии имелось много и по низкой цене. Но вскоре мы стали мучиться желудком. Большинство моих людей заболели лихорадкой. У меня самого так болела голова, что я еле стоял. А когда ходил без посторонней помощи в загон для негров, то там часто падал в обморок от вони, исходящей от них. Загон представлял собой ветхий дом, где все рабы содержались вместе и отправляли свои естественные надобности там, где лежали. Ни один сортир не воняет хуже. Вынужденное посещение их три-четыре раза в день совершенно подорвало мое здоровье, но ничего исправить было нельзя.

Когда мы приходили в загон, сначала предлагались на продажу рабы вождя, если они у него были. Слуги вождя настаивали, чтобы мы купили их до того, как они покажут нам другую партию. Они говорили, что от рабов вождя мы не должны отказываться, но я замечал, что они были худшими во всем загоне, а мы платили за них больше, чем за других. Но такова была привилегия вождя. Затем каждый из слуг приводил своих рабов соответственно их достоинству и качеству, начиная с лучших. Наш врач основательно осматривал их со всех сторон, чтобы убедиться в их полном здравии: заставлял их прыгать, быстро вытягивать руки, заглядывал в рот, чтобы определить их возраст. Хитрые слуги вождя наголо брили рабов перед осмотром, чтобы скрыть их возраст, и мы не заметили бы седых волос на их головах и подбородках. Затем они мыли их и смазывали пальмовым маслом так, что отличить старого раба от негра среднего возраста можно было лишь по состоянию зубов. Однако наша главная забота заключалась в том, чтобы не купить рабов, больных сифилисом, ибо они могли заразить на борту корабля своих соплеменников. Хотя мы отделяли мужчин от женщин разными перегородками и перегородками для предотвращения ссор и пререканий, все же они общались, и болезнь, которую называют фрамбезией, встречалась здесь очень часто. Она проявляется почти теми же симптомами, что *Lues Venerea*, или триппер, у нас. Поэтому наш врач должен был осматривать наружные половые органы мужчин и женщин с особой тщательностью, что весьма удручало, но от этого отказаться было нельзя. После отбора среди остальных рабов тех, которые нас устраивали, следовало соглашение о том, какими товарами их можно было оплатить. Достигалась договоренность с вождем о том, сколько товара определенного вида мы выдавали за мужчину, женщину и ребенка. Это облегчало процесс торга и уберегало от множества споров и пререканий. Только на следующий день после получения документа, удостоверяющего договоренность о товарном обмене, он получал своих рабов. Затем мы ставили раскаленным железом на груди или плече раба клеймо, на котором выгравировывали букву из названия корабля. Предварительно место клеймения смазывали пальмовым маслом, которое уменьшало боль. Через четыре-пять дней метка становилась четкой и бесцветной.

Купив 50–60 рабов, мы отправляли их на борт корабля. Их сопровождал надсмотрщик, которого называли начальником рабов, в обязанности которого входило стеречь подопечных до побережья и провожать их на корабль. Если во время доставки какой-либо из рабов пропал, начальник должен был возместить для нас потерю. То же требовалось от него, если какой-нибудь раб сбегал, пока находился под его опекой. Ведь после покупки мы возлагали на начальника ответственность за доставку. С этой целью вождь назначал двоих уполномоченных, каждому из которых капитан корабля выплачивал жалованье, равное стоимости раба в товарах, которые предпочитал уполномоченный за свои услуги в торге. Уполномоченные четко исполняли свои обязанности, и из 1300 купленных здесь рабов мы не потеряли ни одного.

Подобным же образом назначался начальник на пляже, который заботился о товарах, выгружавшихся нами на берег и за неимением носильщиков оставляемых там на целую ночь, он следил за тем, чтобы груз не растащили негры. Однако, несмотря на все предосторожности, мы часто терпели убытки без компенсации.

Когда рабы прибывали на побережье, их ждали в полной готовности наши каноэ, чтобы, если позволяла погода, отвезти на баркас, который доставлял их на борт корабля, заковывали в

железо и соединяли оковами попарно для предотвращения мятежа или попыток выброситься за борт.

Негры так неохотно расставались со своей страной, что нередко выпрыгивали из каноэ, баркаса или корабля прямо в море. Они оставались под водой до тех пор, пока не тонули, только для того, чтобы избежать спасения нашими лодками. У нас меньше страха перед адом, чем у них – перед Барбадосом, хотя в действительности они живут там лучше, чем на родине. Но дом есть дом. Мы также видели, как эти ныряльщики попадали в пасть акул, которые кружат вокруг кораблей в несметном количестве и, говорят, следуют за ними до Барбадоса. У нас было двенадцать негров, утонувших добровольно, и других, которые довели себя до смерти голодовкой. Они верят, что когда умирают, то возвращаются домой в свою страну и к друзьям.

Лучшее средство расчета для покупки здесь рабов – раковина каури. Чем она меньше, тем больше ценится. Ведь они расплачиваются ими поштучно. Самая мелкая раковина имеет ту же цену, что и самая большая, но они получают их от нас по мере или весу. За хорошего, здорового раба берут около ста фунтов. За каури следовали медные нептунны, или тазы, очень большие, тонкостенные и плоские. Ведь после покупки негры делили их на части для изготовления браслетов на руки, ноги и украшений на шеи. Другими предпочтительными товарами были голубая льняная ткань, батист, крашенная хлопковая ткань. Сюда следует отнести такой же материал более широкого формата; большие, гладкие, темно-красные кораллы; большие, красные бусы; железные болванки, порошок и бренди.

Рабов можно покупать примерно за три фунта пятнадцать шиллингов за голову, но почти половина стоимости груза должна покупаться за каури или бути, за медные тазы, в противовес другим товарам, которые мы покупаем дешевле, таким как кораллы, бусы, железо. Другое они просто не берут. Так, если слуга вождя продает пять рабов, он потребует оплатить двух из них посредством каури, одного – медью, как дорогих рабов. Потому что раб, оцененный в каури, стоит в Англии более четырех фунтов, в кораллах, бусах или железных болванках он не стоит и пятидесяти шиллингов. Но без каури и меди они не возьмут ни один из товаров, указанных выше, причем в лучшем случае в небольшом количестве, особенно если обнаружат, что у вас на борту – солидный запас каури и меди. Тогда никакие другие товары их не устроят, пока они не получат все, что у вас есть. И после этого они либо заставят вас согласиться на их условия, либо еще долго дожидаться ваших рабов, так что уже находящиеся на борту корабля невольники будут умирать, пока вы покупаете на берегу других. Следовательно, каждый человек, который приходит сюда, должен быть крайне осторожным, когда вначале сообщает вождю, какими и в каком количестве товарами он располагает. Он должен заверить, что его груз состоит главным образом из железа, кораллов, бус, тонкой ткани и т. д. Причем выложить эти товары как можно быстрее, и, наконец, его каури и медь добудут ему рабов так скоро, как скоро он сможет их купить. Но следует понимать, что речь идет об одиночном корабле. Более того, если капитан согласится с этим, что случается редко. Потому что там, где имеется несколько разных кораблей и разнообразные интересы, в то время как покупается один и тот же товар, обычно происходят подножки, предательства и перебивание цен одним другим. А словам и обещаниям гвинейских начальников, готовых обмануть даже отцов, по крайней мере исходя из моего опыта, не следует доверять.

Рейд, которым пользуются наши корабли, очень хорош, дно чистое, с постепенным мелководьем. Лучшая якорная стоянка – на восьми фатомах глубины, напротив большой роши, которая образует как бы гумно в полутора милях от берега. На берег накатываются такие бурные волны, что мы рискуем сесть на мель всякий раз, когда приближаемся к берегу или отчаливаем от него. Каноэ часто опрокидываются, но канойщики столь замечательные ныряльщики и пловцы, что спасают жизнь тех, к кому настроены дружелюбно. Тех же, которые им безразличны, они оставляют на произвол судьбы. Вот почему старшие канойщики в лодках должны быть добры и обязательны в отношении людей за бортом. Эти канойщики могут, по своему

усмотрению, бросить этих несчастных тонуть и свалить все на случайность, то есть не оказать им помощи. И здесь ничего нельзя поделать.

Каное, которые мы покупаем на Золотом Берегу, укрепляются кницами и перекрытиями по всей длине, чтобы не черпали воду. Эти лодки глубоко зарываются, когда идут против волн. Каное делают из выдолбленного ствола хлопкового дерева. Они вмещают от двух до двенадцати канойщиков. Самая большая лодка по ширине не больше четырех футов, но двадцать восемь или тридцать футов в длину. Наиболее удобные для использования в Виде каное вмещают пять – семь человек. Каждый корабль, закупивший много рабов, должен иметь два каное, поскольку лодку трудно спасти в штормящем море, если она перевернется. Другие трудно здесь найти, а без каное невозможно высаживать или увозить грузы и людей.

Мы привозим из Кейп-Корсо семь канойщиков, один из которых боцман, являющийся одним из самых искусных лодочников в Гвинее. Он командует остальным экипажем и всегда бывает рулевым, отдает команды другим – когда грести, а когда табанить. Он следит за погодой, благоприятной или неблагоприятной для морских перевозок. Жалованье канойщиков определено и стабильно. Половину его мы выплачиваем им золотом в Кейп-Корсо, вторую часть – товарами, когда рассчитываемся с ними в Виде. Принято также дарить им каное для возвращения домой и рубить другое каное на дрова, если не представится случай продать его, что случается весьма редко. Из-за опрокидывания каное во время высадки мы утратили шесть-семь бочонков каури, более сотни железных болванок и другие товары. Ничего не удалось спасти или хотя бы получить компенсацию за это. Наоборот, приходилось делать вид, что все хорошо, иначе они в отместку могли сыграть с нами злую шутку. Для обеспечения запасов пресной воды мы постоянно держали на берегу двух матросов, которые спали и ели в фактории. Ночью они наполняли наши небольшие бочки водой и катили их по песку к морю, готовые утром переправить их на плоту на корабль, перед тем как задует ветер с моря. Это единственное время, когда мы можем воспользоваться для перевозки воды плотом. В другое время сильное волнение моря часто разбивало плот при погрузке на баркас бочек, из-за чего многие из них мы теряли.

Баркас использовался главным образом для доставки на борт корабля воды, которую мы переливали в свои бочки в трюме и снова отправляли утром небольшие бочонки на берег. Для этого мы содержали две партии бочонков. У нас был небольшой ялик, который приносил нам большую пользу при переправке коров, свиней, дров и писем, взятых с каное. Экипаж ялика состоял всего из двух матросов.

Когда рабов переправляют на борт корабля, мы заковываем их и связываем попарно, пока находимся в порту на виду у их соплеменников. Потому что в это время они пытаются совершить побег или поднять мятеж. Для предупреждения этого мы всегда ставим часовых у люков и держим наготове постоянно находившийся на юте рядом с взрывными зарядами ящик с заряженными ружьями. Две наши пушки на юте всегда нацелены на палубу, как и две другие пушки из рулевой рубки. Дверь в нее всегда закрыта и заперта. Рабов кормят дважды в день, в десять утра и четыре вечера. Как раз в это время они, собираясь на палубе, наиболее склонны к мятежу. Вот почему все это время матросы, не занятые распределением среди рабов пищи, стоят с оружием в руках, а другие – с зажженными фитилями у заряженных орудий, нацеленных на туземцев до тех пор, пока их не накормят и не уведут в межпалубные загоны. Их главное блюдо называется «даббадабб» и готовится на основе маиса, который измельчается до частичек величиной с зерно овса, для чего мы возим с собой металлические мельницы. Потом молотый маис опускается в воду и варится как следует в большой медной печке, пока не загустеет в виде каши. Для десяти туземцев предназначается около двух галлонов каши в сосудах, называемых групповухами, с добавлением соли, перца (малагетты) и пальмового масла.

Рабы разделяются на группы по десять человек для обеспечения порядка во время кормежки. Три дня в неделю им дают на обед и ужин вареные конские бобы, большое количество которых и поставляет Африканская компания. Негры очень любят эти бобы и, когда едят их, бьют себя в грудь и кричат: «Прам! Прам!» – что означает: «Очень вкусно!» Это действительно для них лучшая еда, которая обладает вяжущими свойствами и очень полезна для предотвращения дизентерии. От этой болезни они страдают больше всего, большая смертность от нее часто делает бесполезными наши вояжи за море. Мужчин кормят на верхней палубе или на полубаке, так что мы можем держать их под прицелом с юта в случае беспорядков. Женщины принимают пищу на юте вместе с нами, а мальчики и девочки – на корме. После того как их поделили на группы кормления и назначили им место трапезы, они с готовностью следуют туда, соблюдая порядок. Когда они полностью очистят миски (что мы поощряем для их благосостояния), их отправляют в межпалубное пространство. Там каждый получает свою пинту воды запить пищу. Вода подается бочаром из большой кадки, предварительно заполненной. Когда туземцам нужно отправить естественные надобности, часовые разрешают им подняться по широким лестницам наверх в уборную. С этой целью по обоим бортам корабля оборудованы отхожие места, каждое из которых вмещает по десять человек зараз.

С выходом в море мы освобождаем туземцев от железных оков. Они не пытаются бунтовать из тех соображений, что если поубивают нас или овладеют нами, то не смогут управлять кораблем, поэтому должны доверять нам, везущим их туда, куда нам нужно. Следовательно, опасность сохраняется, пока мы стоим в виду их страны, с которой им не хотелось расставаться. Но как только с глаз долой – так и из сердца вон. Я не слышал, чтобы они бунтовали на кораблях, хорошо укомплектованных составом, где проявляли хотя бы малейшую заботу о туземцах. Но на малых судах с небольшим экипажем, проявляющим небрежение или пьянствующим, туземцы, бывало, внезапно нападали на команду, расправлялись с ней, перерезали канаты и позволяли судну дрейфовать вдоль берега. Они обходились тогда своими силами. Как бы то ни было, у нас 30–40 купленных на Золотом Берегу негров. Начальство фактории обеспечило нас чернокожими охранниками и надсмотрщиками за невольниками Виды, которые спят среди них и удерживают их от ссор. Они призваны не только уведомлять нас о заговорах и интригах среди туземцев, но и побуждать негров каждое утро начисто скрести палубы, избегать болезней, истекающих от грязи и нечистоплотности. Начальство уверено, что его назначенцы осуществляют свои обязанности с большим усердием. Когда мы ставим охранника, то снабжаем его плеткой-девятихвосткой как символом власти, которую он выполняет без зазнайства и с большой основательностью. В открытом море, по вечерам, мы позволяем рабам выходить на солнышко подышать свежим воздухом. Мы заставляем их танцевать и прыгать час или два под музыку наших волюнок, арф и скрипок, что способствует их здоровью. Но, несмотря на все наши усилия, болезни и смертность среди них не убавлялись.

Закупив 700 рабов, 480 мужчин и 220 женщин, а также завершив дела в Виде, я расстался со старым вождем и его слугами. Стороны высказали на прощание друг другу много любезностей, мне пришлось пообещать вождю, что я вернусь сюда на будущий год и привезу из Англии несколько товаров, которые ему хотелось бы приобрести. Подписав мистеру Пирсону консоменты относительно перевозки негров, я утром 27 июля вышел в море в сопровождении «Ист-Индия Мерчант», который закупил 650 рабов для острова Сент-Томас, откуда мы отбыли 25 августа и взяли курс на Барбадос.

На переход от Сент-Томаса до Барбадоса мы потратили два месяца одиннадцать дней. За это время в результате болезней и смертей среди моих несчастных матросов и негров в первый месяц мы похоронили 14, а во второй месяц 320 человек, что стало огромным ущербом для нашего предприятия. Королевская Африканская компания потеряла на каждом погибшем рабе десять фунтов десять шиллингов, а для владельцев корабля это была сумма фрахта, оплачиваемая агентам Африканской компании в Барбадосе по чартерному соглашению за каждого

доставленного живым на берег негра. Такие потери составили в целом 6500 фунтов стерлингов. Болезнь, из-за которой умерли большей частью мои матросы, а также чернокожие, называлась белой дизентерией. Она свирепствовала так, что ее не могли излечить никакие медикаменты. Когда кто-либо заболел ею, мы считали его погибшим, что в целом оправдывалось на самом деле. Не могу себе представить, что вызывало эту болезнь так неожиданно, – они были здоровыми около недели после того, как мы покинули остров Сент-Томас. Вслед за пагубностью климата могу объяснить ее не чем иным, как воздействием неочищенного коричневого сахара и сырого необработанного рома, который матросы там покупали. Они добавляли его в пунш и пили в большом количестве, что я был не в силах предотвратить даже посредством наказания нескольких из них и сбрасывания в море того рома и сахара, что обнаруживал. Мне пришлось заковать в железо одного нашего горниста за организацию несвоевременных пирушек и за то, что в пьяном угаре он бросился с ножом на спавшего боцмана, а также за другие бесчинства. Однако, несмотря на то что он два месяца день и ночь проводил на корме в оковах, когда над головой не было никакой крыши, кроме купола небес, его не беспокоили никакие болезни. Он оправдывал пословицы: «Дуракам – счастье» или «Кто родился, чтобы быть повешенным, никогда не утонет». Я уже рассказал о нем достаточно и больше не стану упоминать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.